

373.

ЛАНДЫШИ.

РАЗСКАЗЫ, ОЧЕРКИ И СЦЕНКИ

А. Пазухина.

Ландыши. — Неудача на дачѣ. — Изъ-за предразсудковъ. — День сюрпризовъ. — Не туда попалъ. — Пять тысячъ выиграли. — Вотъ и ярмарка близко!.. — Не выгорѣло!.. — Въ „Эрмитажѣ“. — Въ гробовой лавкѣ. — Приѣздъ учителя. — Порѣшили кабакъ закрыть. — Елка.

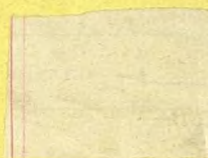
ИЗДАНИЕ
И. А. МОРОЗОВА.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ,
домъ Каринской.

1883.

Т 24
373

ЛАНДЫШИ.

РАЗСКАЗЫ, ОЧЕРКИ И СЦЕНКИ

А. Пазухина.

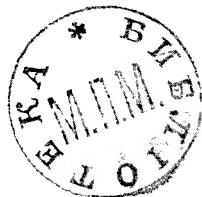
Ландыши. — Неудача на дачѣ. — Изъ за предрассудковъ. — День скрипировъ. — Не туда попалъ. — Пять тысячъ выиграли. — Вотъ и ярмарка близко!.. — Невыгорѣло!.. — „Въ Эрмитажѣ“. — Въ гробовой лавкѣ. — Приѣздъ учителя. — Порѣшили кабакъ закрыть. — Елка.

ИЗДАНИЕ
И. А. МОРОЗОВА.

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ,
домъ Каринской.

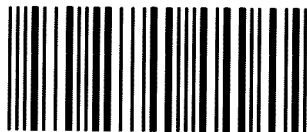
1883.

5210-0

Дозволено цензурою. Москва, 1883 г., февраля 14 дня.

2007054480

Л А Н Д Ы Ш И.

(ВЕСЕННЯЯ ИСТОРИЯ).

Петръ Степанычъ Загребинъ точно ожилъ, точно воскресъ, точно другимъ человѣкомъ сталъ...

Онъ былъ влюбленъ и любимъ.

Что онъ *влюбленъ*, — это онъ чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, всѣми силами души, всѣмъ, еще не вполне охладѣвшимъ, сердцемъ; а что онъ *любимъ*, — это достаточно доказывалось тѣмъ, что она, его кумиръ, его царица, согласилась быть его женой... Доказательство не очень вѣское въ глазахъ другихъ, но вполне достаточное въ глазахъ Загребина, сорокалѣтняго идеалиста, вѣрующаго ребенка, съ сильной сѣдиной въ кудряхъ.

Да и могла ли она лгать!

Она, чудная, очаровательная, съ ясными голубыми глазами, въ которыхъ открывался цѣлый міръ, которые судили много, много наслаждений...

Ей было девятнадцать лѣтъ; ему сорокъ съ небольшимъ, но она любила его.

Друзья скептически относились къ увлеченію Загребина, но они, эти друзья, были такъ черствы, такъ измяты жизнью, что имъ простительно было быть скептиками; къ тому же они не знали ее, этого ангела, эту милую, кроткую Вѣрочку, подругу Петра Степановича...

Скитаясь зимой по московскимъ гостинымъ, убивая скуку на журъ-фиксахъ многочисленныхъ знакомыхъ, Загребинъ встрѣтилъ молоденькую, хорошенькую, симпатичную Вѣрочку Швецову и полюбилъ ее. Весной онъ сдѣлалъ ей предложеніе, и она приняла его.

Скептическіе друзья объясняли скорое согласіе дѣвушки состояніемъ Загребина, но онъ смѣялся надъ друзьями и глубоко вѣрилъ своей невѣстѣ...

Свадьбу отложили до осени, а лѣто рѣшено было проводить на дачѣ Загребина, близъ Пушкина.

Хорошенькую дачу свою Петръ Степанычъ уступилъ невѣстѣ съ ея матерью, а самъ поселился по соседству, въ уютномъ маленькомъ домикѣ.

Этотъ маленькій домикъ сдѣлался его раемъ.

Много цвѣтовъ, много бездѣлушекъ по столамъ и этажеркамъ, подушки на диванахъ — все это разставлялось и раскладывалось маленькими, провор-

ными ручками Вѣрочки, и каждый день она бывала въ маленькомъ домикѣ, оглашая его комнаты пѣніемъ, звонкимъ смѣхомъ и игрой на роялѣ.... Вечеромъ, поэтическимъ весеннимъ вечеромъ, когда луна всплывала на небѣ и ароматъ деревьевъ и цвѣтовъ наполнялъ воздухъ, они гуляли.

Закутавъ плечики невѣсты пледомъ, Петръ Степанычъ шелъ съ нею подъ руку по глухимъ тропинкамъ рощи и говорилъ ей пылкія, страстныя рѣчи...

Онъ умѣлъ говорить; еще въ пору его профессора въ одномъ изъ южныхъ университетовъ студенты приходили въ восторгъ отъ его рѣчей.

Любовь, дружба, трудъ, счастье у домашняго очага были темами его разговоровъ съ нею, и она слушала, слушала его слова и съ жаромъ пожимала ему руку.

— Мой милый, дорогой, я буду тебя любить, я сумѣю устроить тебѣ счастье! говорила она.

— Я старъ, Вѣрочка; мнѣ болѣе сорока лѣтъ, ты годишься мнѣ въ дочери, но я смѣю думать, что это не мѣшаетъ тебѣ любить меня... Важны не годы, важно умѣнье сохранить свое сердце, дорогая моя!...

— Есть и юноши съ сердцемъ черствымъ, холоднымъ, есть и сорокалѣтніе люди, сохранившіе въ себѣ жаръ молодости!...

Я старъ... Мои сѣдины
 Бѣлѣ снѣга той вершины,
 Но и подъ снѣгомъ иногда
 Бѣжитъ кипучая вода!...

И это правда, моя дорогая!...

Она цѣловала его въ отвѣтъ и, смѣясь, называла «старикомъ», «дѣдомъ», «папкой»...

Онъ былъ счастливъ.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ они нашли лужайку, всю покрытую цвѣтущими ландышами.

— Ахъ какая прелесть! воскликнула Вѣрочка.— Это мои любимые цвѣты, Пьеръ, и мы часто будемъ ходить сюда. Не правда ли? Каждый день будемъ ходить, пока цвѣтутъ ландыши!... Да?

— Хорошо, мой другъ... А не лучше ли намъ сегодня, напримѣръ, нарвать ихъ побольше, чтобы опять придти дня черезъ два?

— О, нѣтъ, милый! Во-первыхъ они въ два дня завянутъ, а во-вторыхъ я люблю ландыши именно на томъ мѣстѣ, гдѣ они растутъ: тутъ они особенно свѣжи, особенно душисты. Нѣтъ, мы будемъ ходить каждый день!

Петръ Степановичъ улыбнулся.

— Немножко далеко это, милая... Твоимъ-то ножкамъ это пустяки, а у меня вотъ ревматизмъ, у, какой сердитый!

— Ну, какой ты лѣнтяй, папка! надула губки Вѣрочка.

— Не сердитесь, не сердитесь — будемъ ходить! Для молоденькой невѣсты надо ужъ забыть о существованіи ревматизма.... Ха, ха, ха!

Вѣрочка посмотрѣла на своего жениха.

— Прости меня, Пьеръ! сказала она. — Я право забыла, что ты... что тебѣ не всегда пріятно и удобно ходить по рощамъ: ты...

— Старикъ?

— Нѣтъ!... Тебѣ иногда пріятнѣе читать, писать, да, наконецъ, просто нѣтъ желанія бѣгать со мной, Богъ знаетъ куда!... Прости меня, дорогой мой, я гадкая эгоистка!

Вѣрочка пожала руку жениха.

— Полно, милая, ты ничѣмъ не провинилась! Очень естественное желаніе у дѣвушки въ твои годы побѣгать, погулять, подышать воздухомъ, и я съ охотой буду твоимъ спутникомъ, я и самъ люблю гулять; ну, а когда у меня ужъ совершенно нѣтъ охоты, или я захочу позаняться — то гуляй одна, или вотъ съ этимъ студентомъ, который живетъ по сосѣдству... Какъ его? Да — Коринъ; онъ, кажется, юноша умный, веселый, съ нимъ не будетъ скучно.

— Ужъ черезъ чуръ веселый, я такихъ не люблю... Да это все равно, Пьеръ, я могу обходиться и безъ прогулокъ; буду читать поболѣе, занимать-

ся, а то я слишком облѣнилась, представь — книгу, которую ты далъ мнѣ, я еще не начинала!

— Зимой поработаемъ, Вѣрочка, а теперь нужно гулять... Ну, давай собирать твои ландыши.

Навязавъ по большому букету цвѣтовъ, женихъ съ невѣстой отправились домой.

Погода испортилась. Голубое ясное небо заволокло тучами, пошли дожди, потомъ холодно такъ стало; прогулки прекратились и замѣнились вечерами на дачѣ. Пѣли, играли, читали. Студентъ Коринъ, веселый юноша, съ ясными голубыми глазами, съ звучнымъ голосомъ, вѣчно веселый, вѣчно безпечный, былъ душой общества на этихъ вечерахъ. Онъ пѣлъ русскія пѣсни, игралъ на гитарѣ, смѣшил анекдотами, сыпалъ остроты.

Женихъ, захандрившій было благодаря ненастной погодѣ, былъ очень доволенъ имъ и, въ полной увѣренности, что молодая невѣста не будетъ скучать, уходилъ къ своимъ книгамъ, писалъ, работалъ.

Такъ прошла цѣлая недѣля.

Загребинъ втянулся въ работу и наступившую ясную погоду встрѣтилъ нѣсколько враждебно, какъ помѣху.

— Вѣрочка, вѣдь ты не скучала эту недѣлю? спросилъ онъ невѣсту.

— Напротивъ, милый, я отлично провела ее; а что?

— Ты и теперь также не обращай вниманія на твоего вахлака-жениха: гуляй, катайся, бѣгай, а я иногда и позасяду въ кабинетѣ. Ничего?

— Мнѣ, Пьеръ, конечно пріятнѣе съ тобой, но я, дорогой мой, не хочу ничѣмъ стѣснять тебя!

— А твоя любимая полянка съ ландышами? Одной туда ходить неловко, а ты хотѣла бывать тамъ каждый день...

— Могу и не каждый... А то я буду ходить иногда съ Коринымъ.

— Отлично, мой другъ!

Такъ и порѣшили женихъ съ невѣстой.

Увлечшійся какой-то новой работой, Петръ Степановичъ иногда засиживался у себя болѣе, чѣмъ до половины дня, забывая, что онъ вечеромъ общалъ Вѣрочкѣ идти въ рошу. Вѣрочка прибѣгала къ нему.

— Гадкій, обманщикъ! сердито кричала она, вбѣгая въ кабинетъ. — Общалъ непременно придти утромъ и до сихъ поръ его нѣтъ! У, домосѣдъ! Вотъ я выброшу всѣ эти ваши книги и бумаги, вы и будете знать!... Пойдемте обѣдать...

Загребинъ, смѣясь, извинялся и отдавалъ себя, въ наказаніе за проступокъ, въ полное распоряженіе на весь вечеръ, общая ходить куда прика-

жутъ, дѣлать что захотятъ, и даже не думать о книгахъ. Проводивъ затѣмъ вечеръ съ невѣстой, отдохнувъ отъ труда въ ея миломъ обществѣ, Петръ Степановичъ утромъ опять увлекался работой и на приглашеніе идти за ландышами комично морщилъ брови.

— А нельзя на сегодня безъ ландышей? улыбаясь, спрашивалъ онъ. — Вотъ тутъ статья очень интересная, и статья-то ученика моего — очень бы хотѣлось прочесть... Да и далеко эти ландыши, Богъ съ ними!

— Лѣнтяй! говорила Вѣрочка. — Такъ и быть, читайте, но вечеромъ вы непременно должны идти гулять со мной въ рощу и далеко, далеко!

— Хоть на край свѣта! шутилъ Загребинъ и, цѣлуя ручки невѣсты, выпроваживалъ ее изъ кабинета и усаживался за работу.

Видя, что Вѣрочка не скучаетъ, видя, что громадные букеты любимыхъ ею ландышей каждый день появляются у ней на окнахъ, Петръ Степановичъ безмятежно просиживалъ въ своемъ кабинетѣ цѣлые дни, а тутъ еще ученое общество, котораго онъ состоялъ членомъ, прислало ему повѣстку о засѣданіи и просило приготовить рефератъ, такъ что и вечера иногда уходили на работу.

Подымаясь утромъ съ постели послѣ ночи, проведенной за письменнымъ столомъ, Петръ Степа-

новичъ смотрѣлъ изъ своей комнаты на окно невѣсты и, видя новые букеты ландышей, говорилъ: гуляла ужъ сегодня моя дорогая, значитъ я могу и позаняться, — и посылалъ Вѣрочкѣ записку.

«Ландыши у барышни уже есть, слѣдовательно она гуляла, а потому «вахлакъ» можетъ кончить свою работу? Конечно!... Вторую половину Юня и весь Августъ, даю честное слово, не возьмусь за книгу и, вмѣсто отцвѣтшихъ тогда ландышей, буду по цѣлымъ днямъ собирать грибы и ягоды, а куда позволено мнѣ будетъ заняться *цвѣтами моего краснотычя*. До свиданья...»

Вѣрочка немного загрустила. Точно облачко на нее нашло и затуманило вѣчно веселую, вѣчно смѣющуюся.

Если-бъ Петръ Степановичъ далъ себѣ трудъ понаблюдать за своей невѣстой, то онъ замѣтилъ бы въ ней переменѣ какую-то. Точно новая дума какая легла на ея открытое, веселое лицо; дума эта виднѣлась и въ глазахъ ея; глаза эти сдѣлались какъ-то глубже, сосредоточеннѣе. Даже характеръ дѣвушки точно измѣнился: не было той живости, игривости, не было того безпечно дѣтскаго элемента, который такъ нравился Загребину, но онъ, весь ушедшій въ свой рефератъ, ничего не замѣчалъ, да и видѣлъ онъ свою невѣсту послѣднѣе дни рѣдко и не надолго.

Въ одно роскошное весеннее утро Петръ Степановичъ по обыкновенію взглянулъ на окно своей невѣсты. Букеты ландышей пожелтѣли и увяли.

— Сегодня не ходила гулять, подумаль Загребинъ, и ему вдругъ сдѣлалось невыносимо грустно и жаль Вѣрочку. Онъ посмотрѣлъ на свой письменный столъ, на груды книгъ, на листы исписанной бумаги.

— Вотъ чѣмъ я живу!... А она, молодая, живая, съ жаждой жизни, заброшена мною... Имѣю ли я право такъ поступать?... Тамъ воздухъ, ландыши, птицы, тамъ сама жизнь, а тутъ наука, наука почтенная быть можетъ, но черствая, сухая... Имѣю ли я право засадить въ эту пыльную атмосферу молодую, рвущуюся къ свѣту и жизни дѣвушку?... Вѣдь это — «служить двумъ господамъ»... Но отчего же и не соединить одно съ другимъ?... Наука, трудъ, любовь... Пыльные фоліанты и букеты ландышей; старыя, старыя книги и молодая жена... Гмъ!...

Петръ Степановичъ надѣлъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

Мать Вѣрочки сказала, что молодая дѣвушка ушла гулять уже довольно давно.

«Вѣроятно на свою любимую полянку», подумаль Петръ Степановичъ. «Пойду туда, наберу ей ландышей и больше никогда не буду оставлять ее одну такъ надолго!»...

Пробираясь по глухой тропинкѣ рощи, Загребинъ думалъ невеселыя думы. Сердце щемило какой-то тоской; и даже роскошная погода этого утра не могла разсѣять невеселыхъ думъ этихъ.

А погода была хороша.

До полдня еще было далеко, и солнце не успѣло очень нагрѣть воздухъ; вѣяло прохладой; чуть-чуть замѣтный вѣтерокъ колыхалъ вершины одѣтыхъ молодой листвою березъ и доносилъ аромат цвѣтовъ и сочныхъ травъ. Въ густомъ кустарникѣ рощи накопившійся за ночь туманъ подымался легкимъ прозрачнымъ облачкомъ и какъ дымкой затягивалъ ярко зеленую траву, свѣтлую, влажную, душистую. Далеко, далеко кричала кукушка...

Опустивъ голову, покусывая кончикъ давно потухшей сигары, шелъ Петръ Степановичъ къ любимой полянкѣ за ландышами.

Вотъ и она, эта любимая полянка. Взялся Петръ Степановичъ рукой за кусты, окружающіе полянку, хотѣлъ развести ихъ и остановился...

На полянкѣ, съ букетомъ ландышей, сидѣла Вѣрочка, а передъ нею, склонивъ голову ей на колѣни и цѣлуя ея руку, сидѣлъ Коринъ...

До слуха Загребина ясно долетали звуки поцѣлуевъ, которыми покрывалъ Коринъ руки Вѣрочки. Долетѣли до него и слова:

— Я люблю васъ, Коринъ... Да, я васъ люблю,

но я принадлежу другому! говорила Вѣрочка: и, если вы честный человѣкъ — вы должны оставить меня... Я не хочу измѣнять слова, не хочу изломать жизнь этой измѣной человѣку, котораго я уважаю!... Я уже виновата и тѣмъ, что позволила себѣ сблизиться съ вами и, сблизившись, полюбить... Уйдите, Коринъ, оставьте меня!...

— Но за что же вы загубите свою жизнь, связавъ ее съ нелюбимымъ человѣкомъ во имя какихъ-то призрачныхъ обязанностей? За что? Наконецъ, дадите ли вы и ему счастье, отдавшись не любя? Нѣтъ, вы не сдѣлаете этого, вы одумаетесь, и устроится наше взаимное счастье, моя дорогая...

Вѣрочка хотѣла что-то еще говорить, но Загребинъ не сталъ слушать и отошелъ.

Наклонившись, онъ сорвалъ нѣсколько цвѣтовъ ландышей и тихо, тихо побрелъ домой.

Такъ недавно народившееся счастье было, увы, погребено!

Въ этотъ же день Вѣрочка получила отъ Петра Степановича письмо.

«Дорогая моя Вѣра! писалъ онъ. У каждого человѣка есть время для счастья; не воспользовавшись этимъ временемъ, человѣкъ лишается и счастья. Я, вашъ бѣдный другъ, увы, потерялъ это время и путемъ раздумья дошелъ до сознанія, что брать счастье не во время и преступно, какъ кра-

жа, и опасно, а потому прошу взять данное вами слово и быть свободной... Желаю вамъ много, много счастья... Посылаю на память цвѣты ландышей, сорванныхъ мною' сегодня утромъ на любимой вашей лужайкѣ...—Вашъ другъ П. Загребинъ».

И Загребинъ уѣхалъ. Найдеть ли онъ счастье — мы не знаемъ, но Вѣрочка нашла его: она уже счастливая подруга счастливаго Корина. Ландыши на полянкѣ отцвѣли, и Вѣрочка не ходитъ уже за ними...

ИЗЪ-ЗА ПРЕДРАЗСУДКОВЪ.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Верстахъ въ пятидесяти отъ Москвы, нѣсколько въ сторонѣ отъ Ярославскаго шоссе, расположена усадьба Петра Николаевича Кругликова.

Небольшой, красивой архитектуры домикъ Кругликова смотритъ своими пятью окнами на выющуюся лентой дорогу, которая, спускаясь съ горы, теряется въ густомъ сосновомъ лѣсу и соединяетъ усадьбу съ шоссе. Передъ окнами ея разбитъ небольшой палисадникъ съ куртинами и клумбами, заботливо приводимыми въ порядокъ женой Петра Николаевича, хорошенькой Натальей Павловной, или *Нюсей*, какъ онъ зоветъ ее, нѣсколько произвольно передѣлавши ея имя.

Кругликовъ небогатъ, но при скромной жизни ему живется очень недурно, и врядъ ли онъ завидуетъ своимъ прежнимъ товарищамъ и сослу-

живцамъ, «вышедшимъ въ люди» и занимающимъ болѣе или менѣе видныя мѣста въ обѣихъ столицахъ.

Года два назадъ онъ женился на бѣдной, безродной гувернанткѣ и уѣхалъ въ свое родовое имѣнье, оставивъ шумный свѣтъ и бросивъ службу, которая оказалась для него самой злой мачихой.

Онъ не скучалъ.

Наталья Павловна была слишкомъ хорошей подругой жизни, чтобы можно было быть хотя нѣсколько недовольнымъ этой жизнью. Красавица собой, милая, ласковая, съ душой отзывчивой на все доброе, съ умной головкой, образованная и при всемъ этомъ съ скромными желаніями — она была, кажется, создана нарочно для того, чтобы составить супружеское счастье.

И она составила его Кругликову.

Въ великолѣпный весенній вечеръ Петръ Николаевичъ съ своей молоденькой женой сидѣлъ на террасѣ и наслаждался двумя любимыми имъ до страсти вещами: чистымъ деревенскимъ воздухомъ и чаемъ, который какъ-то особенно хорошо приготовляла Наталья Павловна.

Вечеръ былъ чудный.

Жара только что спала; повѣяло легкой прохладой; недавно распустившіеся листья тополей, вчера sprysнутые дождемъ, наполняли воздухъ благоуха-

ніемъ; изъ лѣсу неся ароматъ сосенъ и тотъ особый, свойственный только русскимъ лѣсамъ, запахъ, который такъ знакомъ всякому бывавшему весной въ деревнѣ. Это запахъ *отходившей* послѣ пятимѣсячной зимней спячки земли, смѣшанный съ запахомъ молодой хвои и тѣхъ маленькихъ лиловыхъ цвѣточковъ, которые называютъ подснежниками.

Петръ Николаевичъ закурилъ сигару, пустилъ тонкую голубоватую струйку дыма и прошелся по террасѣ.

— Какая чудная погода, Нюся! восторженно сказалъ онъ. — Хочется пѣть, читать стихи, и стихи, знаешь, не эти *реальные*, въ которыхъ говорится о бѣдности, о страданіяхъ, а тѣ поэтическіе стихи, гдѣ поэтъ говоритъ о птицахъ, о любви, о чудномъ краѣ...

— Ха, ха, ха! засмѣялась Наталья Павловна. — Какой ты мечтатель! Я еще не видала тебя весной — вѣдь это первая наша весна — ты поэтъ, Пьеръ!

— Еще бы не быть поэтомъ въ такой-то вечеръ!... Право, самый черствый, засидѣвшійся за дѣловыми бумагами чиновникъ начнетъ декламировать что нибудь изъ Фета въ такой вечеръ!... Воображаю, какъ моему милому Вольдемару понравится русская деревня, послѣ всѣхъ этихъ Павловскихъ, Парголовыхъ и т. п.

— Какому Вольдемару? спросила Наталья Павловна.

— Ахъ, виновать, Нюся, я тебѣ и забылъ сообщить новость!... Когда ты въ лѣсъ ходила, мнѣ Иванъ съ почтовой станціи принесъ письмо; пишетъ мнѣ изъ Питера мой милѣйшій другъ и сослуживецъ бывшій, князь Одинцовъ, что пріѣдетъ ко мнѣ гостить на недѣлю; онъ въ Москвѣ наслѣдство послѣ бабушки получаетъ...

Наталья Павловна порывисто поставила на столъ чашку и вскинула на мужа свои чудные лучистые глаза.

— Одинцовъ? Владиміръ Дмитричъ? спросила она.

— Да, Владиміръ Дмитричъ... Ты знаешь его? удивленно спросилъ Кругликовъ, замѣтивъ изумленіе Натальи Павловны.

— Знаю... Князь Одинцовъ!... Боже мой, Боже мой! проговорила Наталья Павловна и подошла къ мужу.

— Знаешь, Пьеръ, это моя первая любовь... Два года тому назадъ... нѣтъ, больше, три года — Одинцовъ былъ для меня очень, очень дорогъ! проговорила она, кладя руки на плечо мужу.

Кругликовъ пытливо взглянулъ ей въ глаза.

— Да! А теперь?... Теперь онъ не опасенъ? Моя Нюся не полюбитъ его?

— Богъ съ тобой, Пьеръ!... Я тогда была дѣвочкой, увлеклась имъ, а онъ... я не знаю, очень ли онъ любилъ меня, или только притворялся; по крайней мѣрѣ когда мадамъ Крутикова, у которой я была тогда гувернанткой, предложила ему сдѣлать мнѣ предложеніе — онъ не сдѣлалъ его и пересталъ бывать у насъ... Онъ очень симпатичный и милый, мнѣ онъ понравился съ первой встрѣчи...

— Чудный малый, Нюся! сказалъ Петръ Николаевичъ. — Ты видишь: когда ему предложили не компрометировать тебя — онъ сію же минуту пересталъ бывать, а онъ очень, очень любилъ тебя: я слышалъ еще въ Москвѣ, что князь ѣдетъ за границу лѣчиться отъ несчастной любви къ какой-то гувернанткѣ...

— Несчастной любви? Отчего же несчастной любви? Я его любила, и онъ это видѣлъ, сказала Наталья Павловна.

— Э-эхъ, милая, онъ принадлежитъ къ такому обществу, въ которомъ требованія очень строги, и женитьба на бѣдной, безродной дѣвушкѣ для него была немыслима!

— Да! протянула Наталья Павловна. Ну, это не очень еще сильная любовь, если предразсудки общества заставили его отказаться отъ любимой дѣвушки!... Ты тоже принадлежалъ къ обществу князя Одинцова, однако... Нѣтъ, Пьеръ, тебѣ не

опасень этотъ гость!... Но знашь: мнѣ отчего-то не хочется, чтобъ онъ пріѣхалъ!

— Боишься, что увлечетъ тебя красавецъ-князь? улыбнулся Петръ Николаевичъ.

— Нѣтъ, бояться-то я не боюсь, Пьеръ, но мнѣ непріятно съ нимъ встрѣчаться...

— Непріятно это, Нюся, будетъ и ему.

— Отчего?

— Придется пожалѣть: ты такъ похорошѣла, что человѣку, который могъ бы обладать тобою, тяжело будетъ сознаніе, что это уже, увы, поздно!

Наталя Павловна ничего не сказала. Она задумчиво смотрѣла вдаль и потомъ улыбнулась и весело взглянула на мужа.

— А если дѣйствительно я похорошѣла, и князь найдетъ меня достойной его сіятельства — я буду отомщена, Пьеръ! сказала она.

— А ты развѣ была обижена имъ? спросилъ Кругликовъ.

— Еще бы! Я же тебѣ говорю, что на предложеніе madame Крутиковой жениться на мнѣ онъ отвѣтилъ тѣмъ, что пересталъ бывать у насъ; это развѣ не обида? Да, Пьеръ, мнѣ и непріятно видѣть Одинцова и хочется въ то же время помучить его, наказать!

— Вѣчное желаніе женщины! засмѣялся Кругликовъ. — А ты очень любила князя?

— Я была еще такъ юна, что сильной, страстной любви чувствовать не могла, но онъ мнѣ нравился, и я бы тогда съ восторгомъ пошла за него...

— А теперь ты вполне увѣрена, что князь не опасенъ мнѣ, а?

— Конечно!... Надо быть совершенно безъ самолюбія, чтобы полюбить мужчину, который когда-то бѣжалъ отъ любимой женщины и бѣжалъ потому только, что эта женщина ему *не пара*, по положенію въ свѣтѣ и состоянію.

— Покается же теперь Вольдемаръ, сильно покается, когда увидитъ такую милую, такую красавицу Наташу! шутливо сказалъ Кругликовъ и поцѣловалъ жену.

Скоро супруги кончили чай и мирно отошли ко сну, кончивъ этимъ чаемъ тихій, скромный деревенскій день.

Заснула уединенная усадьба, и только соловей въ сосѣдней березовой рощѣ нарушалъ тишину деревенской ночи...

II.

На другой день утромъ, только что Кругликовы сѣли за чай на той же террасѣ, за рощей раздались звуки приближающагося колокольчика.

— Это вѣдь катить нашъ гость! сказалъ Петръ Николаевичъ, вставая.

— Вѣроятно онъ... Вотъ поднялся въ гору тарантасъ... Да, къ намъ! не безъ волненія говорила Наталья Павловна.

Кругликовъ взглянулъ на нее и улыбнулся.

— Бьетъ сердечко тревогу?

— Нисколько!... Но какая странная случайность! Не правда ли, Пьеръ?

— Да, сама судьба сводить два любящихъ сердца, ха, ха, ха!... Поди, Наташа, переодѣнься и потомъ выйдешь къ князю сюрпризомъ... То-то удивится, я думаю!... Бѣдный, бѣдный Володя, жаль мнѣ его!...

Наталья Павловна улыбнулась и быстро ушла съ террасы.

Минуть черезъ пять тарантасъ, запряженный тройкой взмыленныхъ лошадей, быстро вкатилъ на дворъ, и князь, не касаясь подножки, на ходу вскочилъ на встрѣчу Петру Николаевичу.

— Голубчикъ, Пьеръ, какъ я радъ, что вижу тебя!... Здравствуй, мой милый! весело заговорилъ князь, обнимая Кругликова. — У тебя тутъ чистый рай земной — лѣса, овраги, воздухъ какой!...

— Въ диковинку тебѣ, постоянному петербуржцу?... Здравствуй, князь, здравствуй!... Большое спасибо, что пріѣхалъ!... Пойдемъ на террасу

пить чай, я познакомлю тебя съ женой, такъ же весело сказалъ Петръ Николаевичъ и подъ руку съ княземъ пошелъ на террасу.

— Да, вѣдь ты женатъ!... Поздравляю тебя, поздравляю!... хорошенькая у тебя жена? Да?

— Ужасная, братъ, рожа!

— Шутишь, шутишь! Вѣрно ужъ красавица, знаю тебя! засмѣялся князь. — Однако ты мнѣ позволь переодѣться, а то не могу же я въ этомъ дорожномъ костюмѣ представиться твоей женѣ!

— Полно пожалуйста, вѣдь у насъ деревня, всѣ эти этикетки забыты! Вотъ умыться тебѣ съ дороги нужно, а костюмъ у тебя прекрасный и очень идетъ къ тебѣ... Пойдемъ, я прикажу дать тебѣ умыться...

Князь Одинцовъ, молодой человекъ лѣтъ 26-ти, былъ очень хорошъ собой. Высокаго роста, стройный, съ изящными манерами, онъ всей фигурой своей изобличалъ аристократическое происхожденіе, выражающееся той особенной породистостью, которая свойственна всѣмъ истымъ аристократамъ и воспитана цѣлыми поколѣніями. У князя были большіе темные глаза, немного задумчивые, но вспыхивающіе веселымъ, живымъ огонькомъ при малѣйшемъ одушевленіи или волненіи. Небольшая, черная какъ смоль, бородка оттѣняла слегка губы красиво разрѣзаннаго рта; тонкіе, довольно длинные усы князь закручивалъ немного вверхъ; вол-

нистые, черные какъ и борода, волосы онъ чесалъ назадъ, и они открывали высокій, бѣлый какъ сло-
новая кость лобъ.

Когда князь, вопреки желанія Петра Николаевича, перемѣнилъ свой дорожный костюмъ на изящно сшитый лучшимъ петербургскимъ портнымъ—лѣт-
ній изъ легкой англійской матеріи и вышелъ на террасу, Петръ Николаевичъ подумалъ: «Ишь, кра-
савецъ какой! А ну какъ пробудитъ старое въ душѣ Нюси!»

— Прелесть какъ хорошо у тебя, Пьеръ! Не уѣхалъ бы отсюда! сказалъ князь, съ наслажде-
ніемъ вдыхая свѣжій утренній воздухъ.

— Кто же тебѣ мѣшаетъ? Купи себѣ усадьбу, женись и заживи по-моему; отличная, братъ, штука! сказалъ Кругликовъ.

— Нѣтъ, мой милый, эта идиллія не для меня!

Князь слегка вздохнулъ.

— Почему? спросилъ Кругликовъ.

— Не той мнѣ жизни нужно, другъ мой!... Я, можетъ быть по воспитанію, можетъ быть по врожденной наклонности, люблю свѣтъ со всѣми его явленіями, я вполне принадлежу этому свѣту и уйти изъ него не могу, не въ силахъ, а въ свѣтѣ идиллія неумѣстна; тамъ она смѣшна, потому что не натуральна, потому что женщины свѣта созданы не для идиллій; жениться же на дѣвушкѣ изъ дру-

гой среды... О, для этого надо очень много смѣлости, воли, или полнѣйшее желаніе разорвать связи съ свѣтомъ...

Князь закурилъ сигару и прошелся по террасѣ.

— Знаешь, Пьеръ, началъ онъ. Года три тому назадъ я былъ страстно влюбленъ, безумно влюбленъ, но дѣвушка, которую я полюбилъ, была гувернантка, и я, не смотря на то, что она тоже любила меня, не женился!... У меня хватило силы воли разорвать эту любовь и бѣжать отъ нея... А какая была дѣвушка, о, какая дѣвушка!...

— Хватило воли бросить дававшееся въ руки счастье и не хватило ея игнорировать мнѣнія свѣта! Странно! улыбнулся Кругликовъ.

— Нѣтъ, не странно, мой милый!... Это предразсудки, но они имѣютъ страшную власть надъ людьми! Я былъ бы долженъ или бѣжать отъ свѣта съ женой, служившей когда-то по найму у одной изъ дамъ этого свѣта, или вѣчно страдать отъ того дурно скрываемаго презрѣнія къ моей женѣ, которымъ обдають, какъ холодной водой, выскочекъ. Первое для меня невозможно, второе... Второе тоже невозможно, потому что лучше годъ тоски по покинутой женщинѣ, чѣмъ вѣчное недовольство, вѣчное страданіе!... Тебѣ, можетъ быть, покажется дикимъ, страннымъ, но я самъ, помимо мнѣнія свѣта, считаю неудобнымъ соединить свою жизнь съ дѣ-

вушкою чуждой тѣмъ традиціямъ, тѣмъ условіямъ, при которыхъ сложилась моя жизнь... Неравные браки, по моему мнѣнію, не могутъ принести счастья!

Кругликовъ засмѣялся.

— Ты неисправимъ, князь, сказалъ онъ. — Вѣдь я тоже когда-то принадлежалъ къ тому обществу, котораго ты до сихъ поръ членомъ? Да?

Князь кивнулъ головой.

— Однако я женился на гувернанткѣ и вполне счастливъ! И я введу мою жену въ общество, въ полной увѣренности, что она достойна его; если же общество, потому только, что моя жена была гувернанткой, будетъ холодно съ нею, я брошу его, какъ дикое, неразвитое и найду себѣ иное!

— Ты развѣ женатъ на гувернанткѣ? спросилъ князь.

— Да...

Въ эту минуту на террасу вошла Наталья Павловна.

— Вотъ и жена... Нюся, позволь тебѣ представить моего друга, князя Владиміра Дмитрича Одинцова...

— Mademoiselle Natalie! прошепталъ князь и, уронивъ сигару, остановился передъ Натальей Павловной. — Mademoiselle Natalie... Наталья... Павловна... Какая встрѣча!...

— Мы знакомы давно, Пьеръ, совершенно покойно проговорила Наталья Павловна и подала руку князю.

— Здравствуйте, князь!... Три года прошло, какъ мы не видались съ вами, а вы нисколько не измѣнились, все такъ же молоды!

— Но вы...

— О, я измѣнилась!... Я уже два года замужемъ, князь.

— Эти три года если и измѣнили васъ, то къ лучшему: вы похорошѣли, *mademoiselle*... Наталья Павловна, сказалъ оправившись князь.

— Такъ вы знакомы? притворно удивился Кругликовъ.

— Да, да, Пьеръ!... Наталья Павловна-то...

— Та гувернантка, про которую ты говорилъ мнѣ?

— Да...

— А что говорилъ князь про меня? лукаво спросила Наталья Павловна.

— Я говорилъ, что имѣлъ удовольствіе быть знакомымъ съ одной гувернанткой, съ которой провелъ нѣсколько лучшихъ часовъ моей жизни, проговорилъ князь, не спуская глазъ съ Натальи Павловны.

— Да?... Не вѣрь, Пьеръ, князь шутитъ: онъ, живши все время въ Петербургѣ, въ теченіи полу-

года не бывалъ въ этомъ домѣ, гдѣ жила эта гувернантка!... Помните, князь?

Князь опустилъ глаза.

— Это... На это были особенныя обстоятельства, Наталья Павловна! тихо проговорилъ онъ.

— Быть можетъ!... Однако князь вѣроятно голоденъ съ дороги, я прикажу подавать завтракъ... Князь, вы пьете чай или кофе? Не хотите ли деревенскаго молока?

— Позвольте... Впрочемъ нѣтъ, я ничего не хочу теперь... Если... вы позволите послѣ, а теперь я бы прошелся немного, я такъ много сидѣлъ...

— Отлично! А послѣ прогулки мы будемъ завтракать... Пьеръ, покажи князю нашъ садъ, сейчасъ приду туда и я.

Князь слегка поклонился и, взявъ подъ руку Петра Николаевича, сошелъ съ террасы.

Наталья Павловна посмотрѣла ему вслѣдъ и улыбнулась долгой, грустной улыбкой...

III.

Прошло три дня. Князь повидимому очень весело проводилъ время у Кругликовыхъ: много гулялъ, катался съ Натальей Павловной верхомъ, читалъ

ей вслухъ, или слушалъ ея пѣніе; по вечерамъ въ уютной деревенской гостиной собиралось небольшое общество, и князь былъ всегда душею этого общества — рассказывалъ анекдоты, блисталъ остроуміемъ, пѣлъ новые куплеты и шансонетки, но опытный глазъ замѣтилъ бы, что это веселье «не отъ души», что у князя есть какая-то тяжелая дума и что его веселость напускная. Онъ часто задумывался, безо всякой повидимому причины становился мраченъ, и лишь только вниманіе общества отвлекалось чѣмънибудь отъ него, какъ онъ садился въ уголокъ и блѣдный, задумчивый оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока ктонибудь не замѣчалъ его.

Впрочемъ умѣнье держать себя, умѣнье владѣть собой такъ были велики у князя, что даже Петръ Николаевичъ не замѣчалъ тоски своего пріятеля, и только Наталья Павловна видѣла ее, угадывала причину этой тоски.

Догадки скоро оправдались.

Еще въ первый день Наталья Павловна увидала у князя довольно большую книжку, переплетенную въ изящный переплетъ и постоянно носимую княземъ въ карманѣ.

— Это книга любимаго вами автора, князь? спросила она.

— Да, любимаго, улыбнулся онъ. Это мои записки, замѣтки, ремарки и т. п.

— Да? вы ведете записки?

— Не постоянно, но имѣю обыкновеніе часто записывать свои впечатлѣнія.

— Много вы записали сегодня? лукаво спросила Наталья Павловна.

Князь взглянулъ на нее и опустилъ глаза.

— Да, записалъ, проговорилъ онъ. Я вспомнилъ былое и сравнилъ его съ настоящимъ...

— Ну, что же?

— Былое вѣдь всегда жалѣютъ, Наталья Павловна, пожалѣлъ и я...

Наталья Павловна перемѣнила разговоръ.

На третій день пріѣзда князя она гуляла въ саду; Петръ Николаичъ и князь уѣхали съ визитомъ къ одному сосѣду. Въ уютномъ уголку сада была бесѣдка, въ которой особенно любилъ бывать князь; Наталья Павловна прошла къ этой бесѣдкѣ и заглянула въ нее. На столикѣ лежали соломенная шляпа князя, номеръ какого-то журнала и знакомая книжка въ изящномъ переплетѣ.

Велико женское любопытство, и Наталья Павловна не устояла противъ него; побудительныя причины были очень сильны. Она вошла въ бесѣдку и открыла книжку. Последняя страница была помѣчена этимъ днемъ и вся исписана мелкимъ красивымъ почеркомъ князя. Наталья Павловна подумала минутку и начала читать.

«6 мая, вечеръ. Какъ страшно наказала меня судьба! писалъ князь. Болѣе чѣмъ чрезъ два года я, совершенно случайно, встрѣтилъ дѣвушку, которую когда-то любилъ и которая готова была отвѣтить мнѣ тѣмъ же, но я, ослѣпленный дикими предразсудками, ослѣпленный мечтами о какой-то широкой дѣятельности бѣжалъ отъ этой дѣвушки и кичился своей силой воли: гордился тѣмъ, что сѣмѣлъ отказаться отъ любимой особы во имя своихъ принциповъ... Гордость моя наказана. Я опять встрѣтилъ эту особу, но какъ встрѣтилъ!... Она принадлежит другому, любить этого другаго, вполне отдана ему, и я, отказавшійся добровольно обладать ею, чувствую, что я люблю ее, люблю больше, сильнѣе, чѣмъ тогда!...

Боже, какъ она хороша! какъ она расцвѣла!... Тогда это былъ бутонъ, обѣщающій быть роскошнымъ цвѣткомъ, теперь — это цвѣтокъ, вполне распустившійся, благоухающій!

Она мила, любезна со мной, будто ничего и не было, а вѣдь она имѣетъ полное право презирать меня...

Зачѣмъ я ѣхалъ сюда, зачѣмъ я ѣхалъ!...»

«7 мая. Вотъ когда пришло время испытать свою волю-то, свою силу характера-то!... Теперь надо

бѣжать мнѣ, теперь я *обязанъ* бѣжать, но... Нѣтъ, у меня не хватаетъ силы бѣжать отъ нея!... Я ищу въ себѣ этой силы, чувство долга шепчетъ мнѣ: бѣги, бѣги отсюда! Это же говоритъ и разсудокъ, но я не имѣю силы бѣжать!... Быть съ нею, слышать ея голосъ, видѣть ее — для меня уже счастье, и лишенный этого счастья, я погибну, какъ лишенный воздуха!...»

Наталья Павловна положила книжку на столъ и задумалась.

Узнавъ отъ мужа, что къ нимъ пріѣдетъ князь Одинцовъ, когда-то оскорбившій ее, она была рада этому; въ ней заговорило чувство оскорбленнаго женскаго самолюбія, и явилось желаніе отомстить. Зеркало подсказало, что она достаточно хорошо вооружена для этой мести, и Наталья Павловна ждала минуту, когда князь, этотъ блестящій премьеръ петербургскихъ гостиныхъ, бросившій любившую его бѣдную дѣвушку-гувернантку, увидитъ ее въ другой обстановкѣ, развившююся, похорошѣвшую, и раскается...

Молодая женщина торжествовала при мысли объ этомъ, но теперь ей стало жаль князя. Она видѣла, что онъ слишкомъ много полюбилъ ее, и она готова была обвинить себя за это желаніе. Но винить было можно только развѣ за желаніе; что же ка-

сается до какихъ либо мѣръ, употребляемыхъ для осуществленія этого желанія — ихъ не было. Наталья Павловна еще и не начинала своей атаки, какъ князь полюбилъ ее!...

И Наталья Павловна искренно жалѣла князя.

— Поздно, поздно, бѣдный князь, полюбили вы меня! думала она. — Теперь, увы, вамъ именно нужно бѣжать и только бѣжать!...

И она рѣшилась какъ можно скорѣе устроить отѣздъ князя, не брезгуя для достиженія этого никакими мѣрами.

Былъ великолѣпный вечеръ. Солнце только что сѣло и своими послѣдними лучами освѣщало покрытую молодой листвою березовую рощу. Пахло черемухой, тополями... Дома въ такой вечеръ не сидѣлось, и Петръ Николаевичъ предложилъ показаться верхомъ.

Когда лошади были осѣдланы и подведены къ крыльцу, на дворъ въѣхалъ маленькій тарантасикъ, запряженный сытымъ сѣрымъ конемъ; въ тарантасикѣ сидѣлъ плотный, краснолицый человѣкъ, одѣтый въ чуйку.

— Солодовъ купецъ пріѣхалъ ко мнѣ, сказалъ Петръ Николаевичъ, посмотрѣвъ на пріѣхавшаго; — Дятловскую рощу онъ у меня покупаетъ... Нюся,

ты поѣзжай съ княземъ, мнѣ нельзя, надо погово-
рить съ нимъ...

— Хорошо, Пьеръ. Князь, хотите быть моимъ
кавалеромъ? улыбнулась Наталья Павловна въ сто-
рону князя.

Тотъ молча наклонилъ голову и подвелъ Натальѣ
Павловнѣ лошадь.

Они поѣхали.

Плавнo покачивалась изящная фигура Натальи
Павловны на сѣдлѣ; ловко сшитая амазонка обри-
совывала гибкую, граціозную талію; черный цвѣтъ
амазонки еще болѣе дѣлалъ нѣжнымъ и бѣлымъ ея
миловидное личико; мужская шляпа съ синимъ вуа-
лемъ какъ нельзя болѣе шла къ ней.

Бросивъ поводья, не обращая вниманія на до-
вольно опасную, идущую по самому краю глубокаго
оврага, дорогу, князь ѣхалъ сзади, погруженный въ
глубокую думу. Во все время дороги онъ не ска-
залъ еще ни одного слова своей дамѣ. Молчала и
Наталья Павловна.

Въ концѣ оврага лошадь Натальи Павловны че-
го-то испугалась и, бросившись въ сторону, вско-
чила на дыбы, едва-едва не сбросивъ всадницу.

Князь, не помня себя, далъ шпоры своему горя-
чему, злому коню и, проскакавъ по самому краю
обрыва, такъ что лошадь его срывалась ногами,
схватилъ одной рукой за подбрюзды лошадь Натальи

Павловны, а другой обнялъ за талию страшно испугавшуюся и поблѣднѣвшую всадницу.

— Боже мой, весь блѣдный проговорилъ онъ: вы чуть не упали!... Вамъ дурно?... Сойдите съ лошади...

— Ничего, благодарю, князь... Берегитесь сами: ваша лошадь на самомъ краю оврага, сказала Наталья Павловна, слабо освобождаясь отъ обнявшей ее руки князя.

— Что я, пустяки!... Вы очень испугались! Такъ неожиданно это произошло...

— Теперь ничего... Мерси, князь, пустите меня...

Наталья Павловна освободила свою талию и, ударивъ лошадь хлыстомъ, выѣхала на широкую дорогу; князь поравнялся съ ней.

— Вы очень нервны, князь: вы до сихъ поръ блѣдны какъ полотно, сказала Наталья Павловна, пристально поглядѣвъ на князя. — Воображаю, какъ бы вы испугались, еслибъ опасность грозила лично вамъ!

Князь горько улыбнулся.

— Мнѣ? О, я бы съ улыбкой встрѣтилъ не только опасность, но и явную смерть! проговорилъ онъ.

— Вы бравируете! Съ какой стати можетъ у васъ явиться такое равнодушіе къ жизни? спросила Наталья Павловна, не глядя на князя.

Ей хотѣлось вызвать его на объясненіе и этимъ

объясненіемъ положить конецъ неопредѣленному положенію его по отношенію къ ней.

— Не равнодушіе, Наталья Павловна, а полнѣйшее недовольство... Моя жизнь разбита, исковеркана, испорчена! съ порывомъ страшнаго отчаянія проговорилъ князь.

— Какіе ужасы! съ притворной ироніей сказала Наталья Павловна. Чѣмъ же это такъ испорчена ваша жизнь? Вы богаты, молоды, на хорошей дорогѣ, однимъ словомъ имѣете всѣ условія для полного счастья.

Князь глубоко вздохнулъ.

— Можно имѣть все перечисленное вами и въ то же время быть вполнѣ несчастнымъ человѣкомъ, сказалъ онъ. — Да, я молодъ, богатъ, на хорошей дорогѣ, но неужели это счастье? Боже мой, съ какой бы готовностью я отдалъ все это за возможность обладать любимой женщиной!

— А вы любите, князь? спросила Наталья Павловна.

Одинцовъ сдержалъ шалившую лошадь и поѣхалъ рядомъ съ своей дамой.

— Страстно, безумно люблю! проговорилъ онъ. — Женщина, которую я люблю, верхъ красоты, верхъ совершенства, она можетъ составить полное, неземное счастье, но... она принадлежит другому!...

— Да?... Ваше положеніе тяжело, князь, но вы

должны покориться судьбѣ и постараться забыть ее...

— Забыть!... Пожалуй, я бы и могъ забыть, могъ бы помириться съ этимъ, но меня мучить, меня убиваетъ сознаніе, что я самъ добровольно, изъ-за предразсудка, отказался отъ нея, отказался отъ счастья обладать ею, когда она была свободна, когда она готова была полюбить меня!... Наталья Павловна, эта женщина вы!... Я-васъ безумно; страстно люблю! Я умру безъ васъ!

Князь бросилъ поводья и въ порывѣ страсти протянулъ руки къ молодой женщинѣ.

Наталья Павловна осадилъ свою лошадь и съ укоромъ взглянула на князя.

— Князь, зачѣмъ вы говорите это? проговорила она. — Я замужемъ, князь, и вы оскорбляете и меня, и моего мужа, котораго вы называете вашимъ другомъ...

— Простите, простите меня, Наталья Павловна! Я говорю это для того, чтобы вы знали, какъ страшно я наказанъ за свою дикую выходку... Вѣдь я могъ обладать вами, вы не прочь были полюбить меня, выйти за меня, и я, безумецъ, самъ разбилъ свое счастье!... Я поберегъ фамилію князей Одиновыхъ, не желая связать ее съ фамиліей бѣдной гувернантки, я боялся пересудовъ и толковъ моихъ тетюшекъ, кузинъ, моихъ свѣтскихъ знакомыхъ!....

О, какъ я страшно наказанъ!... Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! Научите меня, спасите!... Вы для меня все! Жизнь, честь, счастіе...

Князь зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Образумьтесь, князь, вы не мальчикъ, перестаньте!... Уѣзжайте отъ насъ, развлекитесь шумомъ свѣта, поѣзжайте куда нибудь за границу; это страсть, а всякая страсть проходитъ при сильной волѣ...

— Нѣтъ, у меня не пройдетъ она! горько проговорилъ князь. Я увидалъ васъ въ лучшую пору развившейся красоты, увидалъ васъ подругой извѣстнаго мнѣ человѣка, которому вы составили полное счастіе, я увидалъ васъ *женой* и тутъ-то явилось сознаніе, что вы бы могли принадлежать мнѣ!.. Если-бъ я полюбилъ васъ, не зная ранѣе, я бы, можетъ, и сумѣлъ побороть въ себѣ это чувство, но зная, что сокровище было у меня въ рукахъ, зная, что я самъ отказался отъ него, и видѣть его потомъ, узнавъ ему всю цѣну, въ рукахъ другаго — это выше человѣческихъ силъ!... Я не перенесу этого...

Наталя Павловна не знала, что говорить князю. Бросить ему упрекъ за старое — было бы очень негуманно, утѣшать его — она не знала чѣмъ и какъ; опустивъ голову и глубоко задумавшись, ѣхала она, предоставивъ лошади самой выбирать дорогу. Князь наклонился къ ней и взялъ ее за руку.

— Наталя Павловна, подарите мнѣ одинъ,

одинъ поцѣлуй! шепотомъ сказалъ онъ. Одинъ прощальный!...

— Князь, оставьте меня, глубоко взволнованная проговорила молодая женщина, отшатнувшись отъ князя.

— Одинъ только, дорогая моя!... Этотъ поцѣлуй не оскорбитъ васъ: онъ поцѣлуй умирающаго...

— Умирающаго! Что вы говорите, князь?

— Да, моя дорогая!... Ужели вы думаете, что я перенесу все это? О, вы значить не знаете всего ужаса моего положенія!... Искать забвенія въ свѣтѣ, говорите вы! Таскаться по землѣ съ своимъ горемъ, носить его, какъ цѣпи, какъ гнетъ, не зная радости, топить, быть можетъ, въ винѣ свое горе... О, какая милая перспектива! Да если одну недѣлю такой жизни, и то она невыносима, а вѣдь мнѣ долго, долго придется такъ жить!... Нѣтъ, лучше ужъ за одинъ разъ... Такъ поцѣлуйте же меня на прощанье!... Сегодня вы вернетесь домой и скажете Пьеру: «князя убила лошадь», и меня найдутъ мертвымъ въ этомъ лѣсу...

Лицо князя было блѣдно, глаза сверкали, выбившіеся изъ-подъ шляпы волосы прилипли къ покрытому потомъ лбу.

Наталя Павловна съ ужасомъ отшатнулась отъ него.

— Князь, опомнитесь! Что съ вами? Пустите меня?

— Одинъ поцѣлуй, радость моя, жизнь моя!

Въ голосѣ князя слышались слезы, и молодая женщина не имѣла силы оттолкнуть его; онъ обвилъ ее руками и жаркими, сухими губами прикоснулся къ ея губамъ.

— Жизнь моя! страстно прошепталъ онъ и продолжилъ поцѣлуй. Прощай теперь, прощай!... Пусть зовутъ меня безумцемъ, пусть смѣются надо мной, а я не могу вынести удара и погибну...

Нѣтъ счастья — не нужно и жизни!

Князь рванулъ поводья и въ то же время вонзилъ шпоры въ поджарые бока своего злаго степного скакуна, недавно приведеннаго Кругликову съ Дону и еще мало объѣзжаннаго. Давно ужъ выказывалъ нетерпѣніе горячій скакунъ, и только сильная, опытная рука князя сдерживала его; теперь онъ взвился на дыбы, потомъ вскинулъ задними ногами, и свирѣпо завизжавъ, какъ умѣютъ визжать только степные лошади, — во весь опоръ поскакалъ по дорогѣ къ усадьбѣ; Наталья Павловна видѣла, какъ князь бросилъ поводья и нѣсколько разъ ударилъ лошадь хлыстомъ.

— Князь, князь! закричала она, остановитесь!... Боже мой, онъ убьется...

Не помня себя, молодая женщина пустила лошадь въ карьеръ и понеслась за княземъ.

Не доѣзжая нѣсколькихъ сажень до оврага, князь

оглянулся, махнулъ рукой и, прежде чѣмъ Наталья Павловна успѣла вскрикнуть, его лошадь прыгнула съ крутаго обрыва на откосъ противоположнаго берега. Когда улеглась пыль, поднятая скакавшей лошадью, Наталья Павловна увидала ее скакавшую по дорогѣ безъ всадника...

Едва сдержавъ свою лошадь, Наталья Павловна спрыгнула на землю и, путаясь въ амазонкѣ, подбѣжала къ обрыву... Съ глубокаго, покрытаго глыбами камней и мелкорослымъ кустарникомъ, дна его донесся слабый стонъ, и чрезъ минуту все смолкло. Молодая женщина вскрикнула и безъ чувствъ упала на самомъ краю оврага.

Князь Владиміръ Дмитричъ Одинцовъ убился, катаясь верхомъ, такъ было рѣшено произведеннымъ дознаніемъ, такъ было сообщено и роднымъ князя. Обличающій его самоубійство дневникъ былъ сожженъ имъ дня за два до смерти, и никто кромѣ Натальи Павловны не зналъ роковой тайны; бѣдный князь унесъ ее въ могилу.

Его похоронили на деревенскомъ кладбищѣ при усадьбѣ Кругликова, и могилка его, съ скромнымъ чугуннымъ крестомъ, часто, часто посѣщается Натальей Павловной и въ теченіе всей весны и всего лѣта украшается вѣнками и букетами живыхъ цвѣтовъ...

НЕУДАЧА НА ДАЧѢ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ началѣ мая Софья Петровна Курбатова, хорошенькая, молоденькая женка не хорошенькаго и не молоденькаго Степана Ивановича Курбатова, была въ большомъ раздумьи. Мужъ пріискалъ ей премиленькую дачу въ Петровскомъ паркѣ, настолько миленькую, что всѣ знакомые приходили въ восторгъ, а Оекла Юрьевна Стремоухова, самая опасная соперница Софьи Петровны на всѣхъ московскихъ балахъ, такъ даже губки до крови искусала отъ зависти и сдѣлала страшную сцену своему супругу за то, что тотъ «промигалъ» эту дачу.

Софья Петровна тоже пришла въ восторгъ отъ дачи, но ей не хотѣлось ѣхать на нее; ее манила дача въ Сокольникахъ, дача несравненно худшая, даже плохая, но... на этой дачѣ она провела великолѣпно прошлое лѣто въ обществѣ очень юнаго

и очень красиваго адвоката Алексѣя Николаевича Трубковскаго, который, какъ она узнала, нанялъ опять ту самую дачу, на которой жилъ прошлымъ лѣтомъ и которая была въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ дачей Курбатовыхъ.

Выборъ былъ очень труденъ.

Съ одной стороны шикарная дача въ Петровскомъ паркѣ, близость къ выставкѣ, торжество надъ «этой противной Стремоуховой»; съ другой — душка Трубковскій, великолѣпныя ночи tête-à-tête съ нимъ въ саду, таинственныя прогулки въ рощѣ, ежедневныя свиданія...

Кусала розовые ноготки Софья Петровна; въ волненіи ходила по комнатѣ и наконецъ рѣшила — ѣхать въ Сокольники.

— Душенька, Степанида Ѳедоровна, обратилась она къ живущей у нихъ въ качествѣ экономки родственницѣ, — возьмите извозчика и съѣздите въ Сокольники: узнайте, не свободна ли дача Лобанова, а если уже занята, то не уступятъ ли ее за извѣстное вознагражденіе...

— А въ Петровскомъ-то паркѣ ваша дача? удивленно спросила экономка.

— Я не хочу ее брать, мнѣ хочется въ Сокольники... Поѣзжайте, милая, да узнайте, кто живетъ на сосѣдней дачѣ, потому что Богъ знаетъ съ кѣмъ я жить не хочу...

Экономка отправилась и, прїѣхавши, донесла, что Лобановская дача свободна, что она дала задатокъ и что по сосѣдству живетъ господинъ Трубковскій, человекъ вполне степенный, богобоязненный и почтенный.

«Степенный!» улыбнулась про себя Софья Петровна и, поцѣловавъ за исполненное порученіе экономку, пошла въ кабинетъ мужа.

— Степочка, мой милый, я къ тебѣ съ просьбой, нѣжно сказала она, сядь на ручку кресла и обвивая шею мужа ручкой.

— Что такое, мой помпончикъ? Что тебѣ нужно, моя ципонька? улыбаясь во весь ротъ и обнимая гибкую талію жены, спросилъ Степанъ Ивановичъ, оставляя читаемыя бумаги.

— Я... А ты не будешь сердиться, Степчикъ? Не будешь ворчать на свою Соничку? Не будешь? теребя посеребренные сѣдиной баки, улыбнулась Софья Петровна.

— У, ты, плутовка! У, ты, шалунья!... Забодаю, забодаю! щекоталъ подъ мышками жену Степанъ Ивановичъ. — Не буду, не буду. — говори!

— Я хочу на дачу въ Сокольники, Степчикъ, на ту, гдѣ мы жили прошлымъ лѣтомъ...

Степанъ Ивановичъ поднялъ брови и широко раскрылъ глаза.

— Какъ?! А наша дача въ Петровскомъ паркѣ?

изумленно спросилъ онъ. — Она же тебѣ правила, ты такъ восторгалась ею...

— Да, но я раздумала, Степчикъ... Мнѣ сказалъ нашъ докторъ, что для меня воздухъ Сокольниковъ лучше, тамъ мѣстность выше... Милый, возьми ту дачу!... Вѣдь она и дешевле гораздо, тебѣ же лучше...

— Но я далъ половину денегъ впередъ, милая. часть вещей туда отправлена...

— Это ничего, Степчикъ! Стремоуховы возьмутъ ее съ восторгомъ и уплатятъ тебѣ деньги, они еще не наняли дачи, а вещи перевезти пустяки! Милый, дорогой, исполни это для меня!

Софья Петровна поцѣловала лысину своего супруга.

— Хорошо, мой помпончикъ, изволь! пожалъ плечами Степанъ Ивановичъ.

— Мерси, мой милый, мой добрый Степчикъ! Вотъ тебѣ за это, вотъ тебѣ! и Софья Петровна покрыла безчисленными поцѣлуями губы и щеки своего супруга.

— Ммм! мычалъ разнѣжившійся Степанъ Ивановичъ и страстно обнималъ пересѣвшую къ нему на колѣни женку.

— Соничка любитъ своего Степчика? Любитъ? нѣжно спрашивалъ онъ.

— Любитъ, любитъ! весело отвѣчала коварная барынька.

— А какъ она его любитъ?

— Вотъ какъ!...

— Ой, ой, задушишь, Сонька!... Ха-ха!... Размягшій Степанъ Ивановичъ готовъ былъ продолжать ласки, но Софья Петровна выскользнула у него изъ рукъ.

— Будетъ, Степчикъ, некогда: надо приготовляться къ отъѣзду, сказала она и, поцѣловавъ еще разъ мужа, веселая, счастливая убѣжала изъ кабинета.

Она опять *съ нимъ*, опять лѣто полное любви и счастья!

Да проститъ ей небо!

II.

Дача въ Петровскомъ паркѣ была передана madame Стремоуховой, вполне осчастливленной этимъ; вещи возвращены и отправлены въ Сокольники, и въ концѣ мая торжествующая Софья Петровна перѣхала туда же, полная радостныхъ надеждъ и упованій. Милый, хорошенькій, очаровательный Алексисъ Трубковскій будетъ опять съ нею!

Положимъ, madame Стремоухова будетъ торжествовать; положимъ, Сокольническая дача далеко не то, что дача въ Петровскомъ паркѣ, но зато *онъ* тутъ, по сосѣдству!...

О, какъ хорошъ онъ! Сколько въ немъ страсти, юношескаго пыла, какъ онъ умѣетъ любить...

— Ну ее, шикарную дачу!...

III.

Въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ, освѣженная только что взятой ванной, Софья Петровна вышла гулять въ садъ въ первый же вечеръ по пріѣздѣ на дачу, въ полной увѣренности, что Трубковскій, который вѣроятно уже узналъ, что она пріѣхала, придетъ къ ней.

Прошла Софья Петровна по дорожкѣ дачнаго сада разъ, другой, третій; заглянула въ окно дачи, гдѣ жилъ Трубковскій — его нѣтъ.

Вѣроятно уѣхалъ куда нибудь, подумала она и подошла къ садовнику, который поливалъ только что высаженные цвѣты.

— Въ этомъ домѣ кто живетъ, любезный? спрашивала она.

— Господинъ Трубковскій, сударыня; баринъ одинокій, холостой; славный баринъ, сударыня, сусѣдъ вамъ отличный-съ!...

— Знаю! подумала Софья Петровна. Онъ дома, не знаешь? спросила она.

— Дома-съ, газету читаютъ...

— Поди, голубчикъ, скажи ему, что новая сосѣдка его, Софья Петровна Курбатова, — не забудешь? Курбатова.

— Не забуду, сударыня, знаю-сь.

— Такъ скажи ему, что Софья Петровна Курбатова просить его пить чай на балконъ.

— Слушаю-сь.

Садовникъ рысцей побѣжалъ къ сосѣду и чрезъ пять минутъ вернулся и донесъ, что баринъ приказали кланяться, благодарить и сказали, что сейчасъ будутъ.

— Обрадовались такъ, сударыня, лестно имъ это показалось, добавилъ садовникъ.

— Да? Что же онъ сказалъ? съ нескрываемой улыбкой торопливо спросила Софья Петровна.

— Очинно, говорятъ, пріятно, въ минуту буду, а сами таково радостно улыбнулись!...

Софья Петровна дала садовнику рубль на чай и пошла приказать приготовить самоваръ на балконъ.

Въ небольшой, но уютной гостиной дачнаго дома своего Софья Петровна полулегла на кушетку, положила ножки на близь стоявшій стулъ поправила складки платья, взбила на лбу волосы и, взявъ книгу, стала ждать дорогаго, милаго гостя.

— Милый мой! думала она. — Но я на него сердита, я ему прочитаю нотацію: знаетъ, что я

здѣсь, и не выходить въ садъ, нейдетъ къ намъ! Дрянной мальчишка!...

— Господинъ Трубковскій, доложила горничная.

— Проси!

Быстрымъ взглядомъ окинула свою изящную фигурку Софья Петровна и подняла глаза на заколебавшуюся портьеру.

Присадистой походкой, сгибая ноги въ колѣнахъ и раскачивая туловище, вошелъ въ комнату господинъ лѣтъ... сорока съ большимъ хвостикомъ.

Господинъ имѣлъ лысую, нѣсколько клинообразную голову, довольно большой носъ, приподнятый вверхъ и открывающій широкія ноздри, усѣянные длинными волосками; глаза у господина были маленькіе, заплавленные жиркомъ и чуть-чуть косые; на плотной приземистой фигуркѣ его неловко сидѣла лѣтняя пара изъ легкой желтой матеріи, совершенно не гармонирующей съ чернымъ бархатнымъ жилетомъ и теплыми сапогами изъ толстаго драпа; красныя, отвислыя щеки украшались котлетообразными баками цвѣта увядшей прошлогодней травы.

— Имѣю честь представиться, сударыня: надворный совѣтникъ Мардарій Карпычъ Трубковскій, вашъ сосѣдъ съ одной стороны, нѣкоторымъ образомъ, такъ сказать. Очень лестно и весьма, такъ сказать, пріятно-съ! Честь имѣю вашу ручку, сударыня!

Мардарій Карпычъ шаркнулъ ножкой и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, протянулъ руку.

Широко раскрывъ глаза, съ величайшимъ изумленіемъ на лицѣ поднялась Софья Петровна съ кушетки и какъ автоматъ подала руку гостю; тотъ почтительно поцѣловалъ ее, слегка смочивъ влажными губами.

— Бывъ приглашенъ вами, сударыня, почелъ сіе за великое съ одной стороны, такъ сказать, счастье и, не теряя времени, явился... Лестно, очень лестно!... Прошу извинить, что я въ теплыхъ сапогахъ: вотъ уже годъ какъ страдаю ревматизмомъ и ежедневно мажу ноги бальзамомъ и іодомъ, но не помогаетъ! Впрочемъ, не обращая вниманія на ревматизмъ, счелъ долгомъ...

— Вы... вы Трубковскій? крѣпко сжавъ руки и начиная блѣднѣть, спросила Софья Петровна.

— Точно такъ-съ, надворный совѣтникъ Мардарій Трубковскій, съ одной стороны, такъ сказать...

— Это... я... тутъ недоразумѣніе. — Я... мой знакомый Алексѣй Николаевичъ Трубковскій.

— Мой племянникъ-съ, сынъ моего брата Николая-съ, съ одной стороны... Онъ-съ, племянникъ мой, уѣхалъ на Кавказъ, до Октября пробудетъ тамъ-съ... Дачу сію предварительно онъ нанялъ, но потомъ уступилъ мнѣ-съ... Гмъ... Имѣя съ одной стороны такую сосѣдку, я, такъ сказать, не жалѣю, что нанялъ эту дачу-съ...

Софья Петровна тихо, тихо опустилась на кушетку.

— Идите... Мнѣ дурно... дурно... Ай!...

И она упала на полъ.

Мардарій Карпычъ шагнулъ впередъ, шагнулъ назадъ, развелъ руками и бѣгомъ пустился изъ гостиной, на весь домъ закричавъ: эй, кто тамъ есть? Сюда, сюда, съ барыней дурно!...

Осчастливленная роскошной дачей въ паркѣ madame Стремоухова пріѣхала на другой день благодарить Софью Петровну, но не застала ее: она уѣхала на все лѣто въ деревню къ матери, куда-то въ Подольскій уѣздъ.

ДЕНЬ СЮРПРИЗОВЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Петру Ивановичу Степанчикову, довольно богатому помѣщику и московскому домовладѣльцу, попалась женка очень хорошенькая и, не смотря на почтенные годы Петра Ивановича, безъ особеннаго стремленія «наставить ему рожки», такъ что г. Степанчиковъ отлично могъ жить и наслаждаться супружескимъ счастьемъ, но... о, это *но* вѣчно замѣшается въ супружескія дѣла, когда супругъ «въ годахъ почтенныхъ»!

У супруги Петра Ивановича была сестра, молоденькая вдова съ самыми дурными наклонностями. Она постоянно твердила сестрицѣ, что у ней мужъ «старая моська», что ей непременно нужно «пожить», и кончила таки тѣмъ, что *познакомила* ее съ однимъ юношей, обладающимъ роскошными волосами, выразительными глазами и римскимъ носомъ.

Сестрица не выдержала, и.... лысое чело Петра Ивановича украсилось вѣтвистыми рогами!

Петръ Ивановичъ поѣхалъ на дачу въ Пушкино, гдѣ производились запоздалыя передѣлки; жена его, — Екатерина Николаевна звали ее, — отправилась на Кузнецкій мостъ, и дома осталась одна вдовушка, коварная свояченица довѣрчиваго Петра Ивановича.

— Противный мой братецъ уѣхалъ на весь день, конечно, и я доставлю Катѣ свиданіе съ ея милымъ другомъ. Бѣдная Катя! чтѣбы она стала дѣлать, еслибѣ не я? Этотъ старый бегемотъ такъ противень! Такъ думала вдовушка и послала записку господину Фарфорчикову, другу своей сестры.

Черезъ полчаса Фарфорчиковъ явился, сіяющій, довольный, завитой и надушенный.

— Моего соперника, видно, нѣтъ? спросилъ онъ, снимая перчатки и цѣлуя руку покровительницы.

— Уѣхалъ на весь день, и я сію же минуту дала вамъ знать: бѣдная Катя такъ скучаетъ!

— Мерсі, моя дорогая!... А гдѣ же Екатерина Николаевна?

— Она сію минуту будетъ, уѣхала на Кузнецкій... Пойдемте къ ней въ комнату.

Фарфорчиковъ усѣлся на кушеткѣ, принялъ свободную позу и хотѣлъ закурить сигару.

Къ дому кто-то подѣхалъ.

— Вотъ вѣрно и Катя пріѣхала, сказала вдовушка и подошла къ окну.

— Боже мой, бегемотъ!! съ ужасомъ воскликнула она и отскочила.

— Какой бегемотъ?... Гдѣ? вскакивая съ кушетки, спросилъ Фарфорчиковъ.

— Мужъ!... Катинъ мужъ, Петръ Ивановичъ!... Онъ васъ не знаетъ, застанетъ.... Боже мой, что дѣлать?... А, вотъ что! Идите сюда, идите скорѣй!

Вдовушка схватила испуганнаго франта и, открывъ большой гардеробный шкафъ Екатерины Николаевны, втолкнула туда его и захлопнула дверь.

— Сидите тамъ смиренѣй, онъ, вѣроятно, скоро уѣдетъ, должно быть, забылъ что-нибудь. Смирно же сидите! сказала вдовушка, и, какъ ни въ чемъ не бывало, усѣлась на кушетку и открыла какую-то книгу.

Петръ Ивановичъ пѣтушкомъ вошелъ въ комнату; въ рукахъ у него былъ свертокъ.

— Катенька еще не пріѣзжала? спросилъ онъ свояченицу.

— Нѣтъ еще. А вы что это вернулись? Забыли что?

— Нѣтъ.... Я хочу Катенькѣ сюрпризъ сдѣлать: она очень хотѣла имѣть накидку, которую мы видѣли въ Пассажѣ — вотъ эта накидка!

Петръ Ивановичъ показалъ свертокъ.

— Хе, хе, хе! Я сказалъ, что поѣду въ Пушкино, а между тѣмъ махнулъ въ этотъ магазинъ, взялъ

накидку и сюда! Катенька будетъ очень рада. Не правда ли?

— Да, конечно... А вы опять уѣдете?

— Нѣтъ, я хочу пробыть сегодня весь день дома.

Петръ Ивановичъ подошелъ къ гардеробному шкафу и взялся за ключъ.

— Что вы хотите дѣлать? мѣняясь въ лицѣ, воскликнула вдовушка.

— Я повѣшу тамъ накидку и пошлю за чѣмъ-нибудь Катеньку въ шкафъ: она совершенно неожиданно найдетъ тамъ ее! Хе, хе! Мило?

— Да... но... Дайте, я сама повѣшу, а то вы изомнете тамъ все...

— Повѣсьте, повѣсьте, только, чтобъ повиднѣй было....

Вдовушка взяла роскошную накидку и подошла къ шкафу.

— Ахъ, мнѣ опять дурно! слабо проговорила она и прислонилась къ шкафу. Петръ Ивановичъ, тамъ въ залѣ мои капли... Бога ради, дайте ихъ мнѣ...

— Сію минуту, *ma belle*, сію минуту!

Петръ Ивановичъ побѣжалъ въ залу, а вдовушка быстро спрятала накидку подъ грудю лежавшаго на диванѣ платья.

— Мнѣ легче, *merci*, обратилась она къ вернувшемуся съ каплями Петру Ивановичу.

— Легче? Ну, и отлично.... Какая вы слабенькая, моя милая!

— Да... Это мигрень, нервы...

— Нервы, конечно нервы!... Повѣсили?

— Да, на самомъ видномъ мѣстѣ...

Съ барынькой и серьезно начинался припадокъ: положеніе было дьявольски невыгодное! Мысли, одна за другой, копошились въ ея воспаленной головѣ и одна другой были неудачнѣе, непримѣнимѣе!...

Въ передней раздался звонокъ.

— Вотъ и Катенька.... Рада будетъ, плутовка! весело проговорилъ Петръ Ивановичъ и, вполнѣ довольный, потеръ руки.

— Фу, какъ жарко сегодня! сказала, входя, Екатерина Николаевна и бросилась на диванъ.

— Ба, ты дома, Пьеръ? обратилась она къ мужу. Какими судьбами?

— Сюрпризъ тебѣ хотѣлъ устроить, сюрпризъ! Довольна?

— Да, довольна, протянула Екатерина Николаевна. — Но я на тебя сердита.... Вообрази, Оля, накидка, которая мнѣ такъ понравилась въ Пассажѣ — продана! обратилась Екатерина Николаевна къ сестрѣ. Та безучастно пробормотала что-то.

— Какая прелестная была вещь! О, ты, гадкій! Сердита я на тебя, не подходи ко мнѣ весь день! надувъ губки, говорила Екатерина Николаевна.

— Ха, ха, ха! закатился Петръ Ивановичъ. — Ничего, другую купимъ! Ха, ха, ха!

— Чему ты хохочешь? Скажите, пожалуйста, онъ же такъ огорчилъ меня — онъ же еще и насмѣхается!

— У тебя и та еще хороша накидка, Котеночекъ, посмотри-ка ее, надѣнь... Ха, ха, ха!

— Да ты съ ума сошелъ! Что ты насмѣхаешься-то надо мною?

— Нѣтъ, я ничего, Котеночекъ... А ты примѣрай-ка свою старую накидку — право, она очень хороша!

— Моя старая? Хмъ! Во-первыхъ, она вышла изъ моды, во-вторыхъ... Да вотъ я надѣну, полюбуйтеся!

Екатерина Николаевна пошла къ шкафу.

— Катя, Катя, не ходи! вдругъ вскрикнула сестрица. — Тамъ... тамъ мыши, крысы, я сейчасъ видѣла...

— Ха, ха, ха! опять закатился Петръ Ивановичъ. — Отворяй, отворяй, не бойся! Тамъ мышъ, но хорошенькая мышъ, чудесная мышъ!

Екатерина Николаевна кинула взглядъ на сестру, и у ней мелькнула догадка... Но что же означаютъ слова мужа? Зачѣмъ онъ ее посылаетъ въ шкафъ?

Она остановилась.

— Трусиха! проговорилъ Петръ Ивановичъ и подошелъ къ шкафу. — Вотъ тамъ какая мышъ,

смотри! сказалъ онъ и распахнулъ обѣ половинки дверицъ...

Прижавшись къ стѣнкѣ шкафа, не попадая зубъ на зубъ, стоялъ господинъ Фарфорчиковъ со шляпой въ рукѣ.

Петръ Ивановичъ отскочилъ назадъ, Екатерина Николаевна пронзительно вскрикнула, а вдовушка схватилась обѣими руками за шиньонъ...

Господинъ Фарфорчиковъ вышелъ изъ шкафа.

— Позвольте-съ... Имѣю честь отрекомендоваться-съ... Фарфорчиковъ, Леодоръ Кириллычъ... Додо Фарфорчиковъ... Я слышалъ, что вы... вамъ нуженъ управляющій...

Петръ Ивановичъ оглядѣлъ Фарфорчикова съ ногъ до головы и обернулся къ свояченицѣ.

— Это тово, вашъ? Гмъ!... Вы бы, сестрица, могли найти себѣ мѣсто для свиданій и кромѣ комнаты моей жены!... Пойдемъ, Катенька, въ мой кабинетъ, оставимъ ихъ въ пріятномъ tête-à-tête... До свиданья, господинъ управляющій!

Петръ Ивановичъ подалъ руку женѣ и самодовольно вышелъ изъ комнаты.

— Вотъ, Катенька, я хотѣлъ устроить сюрпризъ тебѣ, твоя сестрица устроила сюрпризъ мнѣ! Цѣлыхъ два сюрприза! обратился онъ къ Екатеринѣ Николаевнѣ.

— Не два, мой помпончикъ, а много! Сюрпризъ

мнѣ, сюрпризъ Олѣ и сюрпризъ До.... господину этому! Ха, ха, ха!

Петръ Ивановичъ тоже захохоталъ....

Положимъ — свояченицѣ досталось, порядкомъ пожурили ее, но все обошлось, какъ нельзя лучше и... все идетъ по старому.

Добрѣйшій Петръ Ивановичъ самъ, *сюрпризомъ* для жены и свояченицы, устроилъ развязку такъ тяжело было сложившимся обстоятельствамъ....

НЕ ТУДА ПОПАЛЪ.

Ярославскій помѣщикъ Лука Ивановичъ Сливняковъ пріѣхалъ въ Москву на выставку и остановился въ гостинницѣ «Желѣзная дорога».

Лука Ивановичъ еще не старъ, ему едва-едва исполнилось сорокъ лѣтъ и онъ вполне сохранилъ юношескій пылъ, такъ что первымъ дѣломъ его въ Москвѣ было навѣдаться о здоровьи нѣкоей Амаліи Карловны Шуманъ, которая когда-то жила въ Ярославлѣ въ гувернанткахъ и съ годъ тому назадъ уѣхала въ Москву, гдѣ и поступила гувернанткой же въ одинъ почтенный купеческій домъ.

Амалія Карловна была очень пикантная особа и Лука Ивановичъ любилъ ее со всѣмъ жаромъ сорокалѣтняго холостяка.

Пріѣхавъ въ Москву, онъ тотчасъ же написалъ ей по городской почтѣ письмо и просилъ назначить ему свиданіе, чтобы «вспомнить милое прошлое».

Съ нетерпѣніемъ ожидая отвѣта, Лука Ивановичъ на другое же утро получилъ его; разорвавъ изящ-

ный конвертикъ, онъ вынулъ голубую бумажку, отъ которой пахло духами, и съ радостной улыбкой прочелъ слѣдующее: «Мой миліи другъ и старшій товаришъ, Люка Фаничъ! Ви пріѣхалъ на Москву и кочетъ видѣть меня — о, какъ я довольно обрадована этимъ! Времени не вирвало меня изъ вашей голуби и ви любите меня по старому!... Мой кочетъ тоже васъ видѣть и я прошу васъ бывать въ гостиницѣ «Эрмитажъ», гдѣ ви будетъ брать отдѣльный кабинетъ и два обѣда и ждать меня въ этотъ день, въ пять часовъ. О, ми будемъ очень радостны! Ваша совсѣмъ Амація Шуманъ. P.S. Ви очень милій и другъ!»

Лука Ивановичъ потеръ руки и пріятно улыбнулся.

— Славная, чортъ возьми, бабенка и превесело я проведу время въ Москвѣ! проговорилъ онъ самъ съ собою. — Эхъ, жаль дѣтей у меня нѣтъ, а то бы я, ей-Богу, взялъ ее въ гувернантки!...

Лука Ивановичъ тщательно выбрился, съ большимъ вкусомъ одѣлся, sprыснулъ себя духами и позвалъ корридорнаго.

— Далеко отсюда, любезный, гостинница «Эрмитажъ»? спросилъ онъ корридорнаго. Лука Ивановичъ въ Москвѣ былъ первый разъ.

— Не очень чтобы очень-съ, такъ себѣ... Пойдете вы все прямо, потомъ направо, на Садовую войдете. потомъ налево, до Цвѣтнаго бульвара дойдете —

тутъ и «Эрмитажъ». Да извозчикъ доставить васъ за четвертакъ, или копѣекъ за тридцать-съ...

— Я хочу, милый, пѣшкомъ пройтись, Москву вашу посмотрѣть, прогулку сдѣлать.

— Такъ-съ. Нѣтъ-съ, не далеко, полчаса ходьбы...

Надѣлъ Лука Ивановъ пальто и вышелъ изъ гостинницы, пріятно улыбаясь и помахивая тросточкой.

День былъ великолѣпный и счастливый помѣщикъ съ большимъ удовольствіемъ шелъ по Москвѣ, рассматривая дома, вывѣски, останавливаясь передъ окнами магазиновъ и заглядывая подъ шляпки хорошенъкихъ москвичекъ.

Такимъ образомъ онъ прошелъ по Садовой и вышелъ на Самотеку.

На углу Самотеки и Садовой, на большомъ каменномъ домѣ онъ прочиталъ надпись: «*Трактиръ малый Эрмитажъ*».

— А, вотъ онъ и «Эрмитажъ»!... проговорилъ Лука Ивановъ. Никого не спрашивалъ, самъ дошелъ, знать судьба вела!... Лука Ивановъ посмотрѣлъ на часы; было четверть пятаго.

— Какъ разъ время! подумалъ онъ и вошелъ въ гостинницу.

Попросивъ указать отдѣльную комнату, Лука Ивановъ позвалъ лакея.

— Обѣдъ мнѣ нужно на двѣ персоны, винца лучше и все такое, можно?

— Съ нашимъ почтеніемъ-съ! Прикажете карту подать? проговорилъ половой, перемѣняя сомнительной бѣлизны скатерть.

— Н-нѣтъ, я такъ выберу. Обѣдать я, братецъ, буду съ дамой...

Половой ухмыльнулся.

— Ты, того, не смѣйся! Дама, братъ, не какая-нибудь! строго сказалъ Лука Ивановичъ.

— Помилуйте-съ. Мы очинно понимаемъ, что какую-нибудь вы не пригласите-съ!...

— То-то... Такъ подашь ты намъ супу двѣ порціи...

— Протаньеръ-съ или тартю-съ? А то есть раковый отмѣнный-съ...

— Ну, раковый подашь... Потомъ?...

— Котлеты очинно одобряютъ а ла натурель-съ...

— Подай ихъ, а на жаркое подашь ты рябчиковъ...

— Извините-съ, рябчиковъ нѣтъ!

— Ну?... Жалко!... Ну, подай цыплятъ хорошихъ...

— Цыплятъ тоже нѣтъ-съ... Телятины не угодно ли?

— Ну, телятины не нужно!... Изъ дичи нѣтъ ли чего?

— Изъ дичи — нѣтъ ничего-съ...

— Плохо!... Ишь какая гостинница — и дичи нѣтъ! подумаль Лука Ивановичъ и кое-какъ составивъ обѣдъ, спросилъ есть ли фрукты?

— Извините-съ, фруктовы нѣтъ!

— Эхъ, плохо!... Послать можетъ быть можно?

— Это можно-съ... Пельсины вотъ тутъ на углу продаютъ-съ...

Винъ желаемыхъ Лукой Ивановичемъ тоже не оказалось въ гостинницѣ и пришлось выбрать кое-что.

— Ну, сама Амальхенъ виновата, что выбрала такую гостинницу! подумаль помѣщикъ и сталъ ждать желаннаго часа.

Выпилъ онъ водки, закусилъ; еще выпилъ и еще закусилъ; пирожокъ съѣлъ — Амалія Карловна не являлась.

— Обѣдъ перепрѣтъ-съ, скусъ потеряетъ-съ, доложилъ половой въ половинѣ шестаго.

— Экая досада!... Дама моя не ѣдетъ что-то... Наказалъ ты швейцару проводить ее ко мнѣ?

— Какъ-же-съ; швейцаръ ужъ на крыльцѣ даже караулитъ.

— Странно!... Подожди еще немного, а тамъ свѣжій обѣдъ надо заказать, дѣлать нечего...

— Можетъ быть съ другими господами уѣхали-съ, догадался половой.

— Кто?

— А барышня-то; вѣдь онѣ такой народъ — больше общай, такъ и надуютъ-съ!

Лука Иванычъ сердито повернулся на стулѣ.

— Я тебѣ ужъ говорилъ, что это не какая-нибудь, а барышня, *настоящая* барышня! проговорилъ онъ.

— Виновать-сь!

Половой исчезъ.

Прошло еще около часа; солнце своими заходящими лучами освѣтило комнату и заиграло на приготовленномъ къ обѣду столѣ; Лукѣ Иванычу сдѣлалось невыносимо грустно.

— Или она насмѣялась надо мной, или ее задержало что-нибудь, или она забыла часъ! думалъ онъ. — Всего вѣрнѣе, что забыла часъ!... Уйти если отсюда... А вдругъ я уйду, а она пріѣдетъ!... Нѣтъ, нѣтъ, надо ждать!

И Лука Иванычъ, выпивъ еще водки и закусивъ двумя пирожками, началъ въ волненіи ходить по комнатѣ; за дверями раздавалось хихиканье половыхъ...

Ровно въ шесть часовъ Лука Иванычъ заказалъ свѣжій обѣдъ и, прождавъ до половины восьмага, приказалъ подать его.

Съ глубокими вздохами отвѣдалъ онъ по немногу каждаго блюда, наполовину перепрѣлаго и остывшаго, и приказалъ подать счетъ. Съ болью въ сердцѣ прочелъ онъ длинный, длинный перечень кушаній и винъ и, заплативъ деньги, уныло поплелся домой.

Корридорный подалъ ему письмо.

— Отъ Амальхенъ, подумалъ Лука Иванычъ, — видно объясняетъ причину, по которой не могла быть.

«Ви оказались гнусни негодяй, геръ Сливняковъ!» — было написано въ этомъ письмѣ. «Ви надували бѣднѣйшій дѣвушки и заставиль ее просидѣть на пустой комнатѣ шетыре часа! Я должна была платить за обѣдъ, которій заказала по своему вкусу, думая што ви прѣдетъ... Со мной не билъ портмоне и я долженъ билъ канфузна просить казайнъ извиняйтъ меня и давайтъ мнѣ провожатова, которому я платиль двѣнадцать рублей моихъ вспотѣвшихъ денегъ!... Ви шкверна шеловѣкъ и глупѣйшій мужикъ!... Адье, геръ Сливняковъ! Сегодня мой ѣдетъ въ Ригу: мадамъ Плошкинъ, мой казайка, узнала, что я билъ на «Эрмитажъ», далъ мнѣ виговоръ и показаль на дверь! Амалія Шуманъ. PS. Ви очень гадкѣй шеловѣкъ и дуракъ!...»

Прочитавъ письмо, Лука Ивановичъ урониль его и вытаращиль глаза на корридорнаго, который стоялъ передъ нимъ.

— Тово... Какъ же это... Въ Москвѣ у васъ того... одинъ «Эрмитажъ?» съ трудомъ проговориль онъ.

— Нѣтъ-съ, очинно даже много-съ; на Самотекѣ есть гостинница «*Малый Эрмитажъ*», у Никитскихъ воротъ «*Новый Эрмитажъ*», а то еще есть-съ гдѣ-то... Главная гостинница «Эрмитажъ» на Трубной площади; очинно хорошая гостинница, всѣ господа бывають, замѣчательные отдѣльные кабинеты есть-съ...

Схватиль себя за волоса Лука Ивановичъ и, на

глазахъ корридорнаго, упаль на диванъ, обливаясь слезами...

Прекрасный образъ Амаліи, сидѣвшей четыре часа въ комнатѣ въ ожиданіи его, а теперь катящей въ Ригу — живо предсталъ въ его воображеніи и больно, больно сдѣлалось бѣдному помѣщику!...

ПЯТЬ ТЫСЯЧЪ ВЫИГРАЛИ.

О черкъ.

оллежскій ассесоръ Михаилъ Ивановичъ Матрешкинъ прискакалъ домой на извозникѣ-лихачѣ и неистово позвонилъ у дверей своей квартиры.

— Домаря бара? запыхавшись спросилъ онъ у кухарки.

— Чаво-съ? Что вы изволили сказать? спросила кухарка.

— Дама... бамаря... Барыня дома?

— Дома-съ, кушать васъ ждутъ.

— Я богатъ!... Пять тысячъ у меня... Нѣтъ ли у тебя рубля извознику?... Впрочемъ ничего!...

Михаилъ Иванычъ бросился мимо изумленной кухарки въ комнаты.

— Душенька, Машенька, ангелъ мой!.... Мы вѣдь... Я пріѣхалъ на лихачѣ... тысячъ... Ухъ!...

Михайло Иванычъ опустился на стулъ.

— Что съ тобой, Миша? въ глубокомъ изумленіи спросила жена Михайла Иваныча.

— Мы... мы пять тысячъ выиграли!... Таблицу смотрѣлъ, газеты... Пять тысячъ! торжественно произнесъ Михайло Ивановичъ и бросился цѣловать свою жену.

— Да что ты? Неужели? Миша, голубчикъ! Вотъ прелесть-то! вотъ радость-то!

Супруга обняла Михайла Ивановича, и онъ, подхвативъ ее, пустился по гостиной въ бѣшеный танецъ, подпѣвая и прищелкивая языкомъ.

Кухарка вошла съ миской щей и, увидавъ пляшущихъ и поющихъ супруговъ, широко раскрыла глаза и, постоявъ на порогѣ, вернулась въ кухню.

— Андронычъ, а Андронычъ! крикнула она въ окно дворнику.

— Чаво тебѣ, круглая? отозвался тотъ.

— У насъ бѣда, Андронычъ: баринъ съ барыней по комнатѣ пляшутъ...

— Чаво?

— Баринъ съ барыней по комнатѣ пляшутъ и пѣсни поютъ...

— Пуцай ихъ пляшутъ. Выпимши што-ли?

— Да нѣтъ, не выпимши.... Они, Андронычъ, съума спятили оба, рехнулись...

— Ну?

— Право, Андронычъ!... Надо чай заявить, а то бы бѣды не вышло.

Дворникъ почесалъ затылокъ и, сосредоточенно подумавъ, пошелъ за ворота.

Кухарка хотѣла было тоже идти за нимъ, но услышала, что ее зовутъ, и не безъ страха вошла въ гостиную.

— Матрена, обратился къ ней Михайло Ивановичъ, — мы выиграли въ лоттерею пять тысячъ!.. Теперь, Матрена, мы слава Богу, богаты... Поцѣлуй меня на радостяхъ...

Михайла Ивановичъ подошелъ къ кухаркѣ.

— Вы, баринъ... Я, баринъ, опасаясь... Думно мнѣ, што вы маненько рехнулись, не въ своемъ умѣ словно... Я опасаясь...

— Ха, ха, ха! захохоталъ Михайло Ивановичъ. — Вотъ чудиха-то!... Дура ты эдакая, пойми, что мы выиграли на билетъ пять тысячъ! Знаешь, лоттереи есть? Ну, вотъ мы и выиграли пять тысячъ, оттого и веселы, и пляшемъ, и скачемъ... Вѣдь пять тысячъ выиграли! Поняла?

— Поняла теперь, баринъ... Ну, проздравляю васъ, дай вамъ Богъ... Эко счастье, нука-се!... А вѣдь я думала вы съума сошли, ей Богу!

— Ха, ха, ха!.. Ахъ да, вотъ что: дай мнѣ Матрена, рубль до завтра — извощикъ тамъ ждетъ я тебѣ завтра двадцать отдамъ...

— Много, Миша, двадцати, будетъ ей и десяти рублей дать, сказала барыня.

— Ну, десять.. Поди, Матрена, отдай извознику рубль.

— Сейчасъ!

Кухарка рысцей побѣжала на улицу, а счастливые супруги снова пустились плясать по комнатѣ.

Черезъ полчаса супруги поуспокоились, пришли въ себя и сѣли за прерванный обѣдъ; впрочемъ кушали они очень лѣниво, поминутно отрываясь отъ кушанья и пускаясь въ разговоры.

— Квартиру эту мы перемѣнимъ, Машенька, наймемъ у Сорокина, говорилъ Михайло Ивановичъ.

— У Сорокина очень дорого, Миша...

— Что за дорого? Пятьдесятъ рублей, пустяки!

— Вѣдь это пять-то тысячъ въ двадцать мѣсяцевъ у насъ на квартиру уйдетъ, а еще мало ли чего нужно... Долгу у насъ рублей пятьсотъ есть.

— Гмъ! Да, это вѣрно... Вотъ водолаза я себѣ куплю непременно, Маша...

— Какого водолаза?

— Собаку водолаза; у одного барина отличный водолазъ продается, сто рублей просить.

— Ну, водолаза можно. Мнѣ бы, Миша, хотѣлось бархатное платье сдѣлать...

— Сдѣлай! А я себѣ шубу на зиму куплю бобровую, рублей эдакъ въ триста...

— Купи, а я себѣ комнатную собачку куплю, болонку, буду гулять съ ней...

— Это хорошо... а мой водолазъ будетъ кусать твою болонку...

— Ну ужъ это извини! Я твоего-то и палкой, я не позволю мою милую собачку обижать...

— Водолазъ лучше твоей дрянной собаченки.

— Извините-сь!

— Конечно лучше! Ну, что такое болонка? Дрянь!

— Самъ ты дрянь! Болонки даже у генеральшъ есть; во всѣхъ домахъ принято болонокъ держать...

— Я тебѣ одно скажу: если ты будешь обижать моего водолаза — я убью твою болонку!

Супруга вспыхнула и хотѣла отвѣчать громкой рѣчью на такое ужасное заявленіе; но дверь открылась и въ гостиную влетѣла сосѣдка Матрешкиныхъ и ихняя старинная пріятельница Степанида Николаевна Финтюкова.

— Ахъ, мои милые! Ахъ, мои дорогіе! закричала она и бросилась цѣловать супруговъ. — Вы двѣсти тысячъ выиграли?! Милыя!... Поздравляю васъ, поздравляю!... Мы сидимъ съ мужемъ и пьемъ чай; вдругъ вбѣгаетъ ваша кухарка и объявляетъ, что вы выиграли на билетъ пять милліоновъ!... Я конечно догадалась, что она переврала, что вы выиграли, мои дорогіе, двѣсти тысячъ... Поздравляю,

поздравляю!.. Мужъ тоже сейчасъ придетъ васъ поздравить, одѣвается; говоритъ, что къ богатымъ людямъ ему ужъ неловко идти въ домашнемъ пиджакѣ, какъ это бывало прежде; но я пришла такъ, по домашнему; я знаю, что вы и въ богатствѣ останетесь тѣми же милыми... Поздравляю васъ, поздравляю!...

Мадамъ Финтюкова снова бросилась обнимать супруговъ.

— Я надѣюсь, мои милые, что вы теперь построите моего Фофочку и поможете сдѣлать приданое моей Липочкѣ!.. Да? О, мои дорогіе, какъ я рада за васъ!...

Въ передней раздались голоса и слышалось топанье сапоговъ.

— Кто тамъ? вырываясь изъ объятій мадамъ Финтюковой, сказалъ Михайло Ивановичъ.

Дверь пріотворилась.

— Сказывали на улицѣ, бытто тутъ умалишенные есть; съ ума, слышь ты, двое человѣкъ сошли, такъ мы посмотрѣть пришли, раздался голосъ, и въ гостиную вошелъ мужикъ.

— Мы стало быть сродни дворнику, сватомъ приходимся; онъ и говоритъ: съ ума, говоритъ, сошли...

— Пошелъ вонъ, дуракъ! крикнулъ Михайло Ивановичъ; мужикъ попятился и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты,

— Это чертъ знаетъ что! развелъ руками Михайло Ивановичъ. — Ничего не видя, ужъ насъ за сумашедшихъ прославили, глядѣтъ приходятъ, на приданое просятъ, Фофочкѣ просятъ!.. Это мы, не получивъ денегъ, раздадимъ ихъ всѣ!... Ничего мы не выиграли, ничего никому не дадимъ, никого не примемъ!... Эй, Матрена, гдѣ ты?

— Здѣсь, баринъ. — Матрена вошла въ гостиную. — Вотъ тутъ кума моя пришла; мужъ у ней лѣтось померъ, такъ она просить у васъ...

— Вонъ гони всѣхъ, внѣ себя закричалъ Михайло Ивановичъ. — Кто бы ни пришелъ — насъ дома нѣтъ, и дверь на замокъ!... Маша, пойдѣмъ въ спальную... До свиданья-съ, Степанида Николаевна... завтра же отпускъ возьму и уѣду куда-нибудь!... Михайло Ивановичъ взялъ подъ руку жену и ушелъ изъ комнаты. Степанида Николаевна постояла, поглядѣла въ слѣдъ ушедшимъ и плюнула.

— Чертъ съ вами, не нужно! громко сказала она. — И какъ это деньги людей портятъ! Вчера еще у меня, дряни, чай пили и варенье жрали, а сегодня и рыло воротятъ!... Подавитесь вы своими деньгами, окаянныя!

Мадамъ Финтюкова плюнула еще разъ и вышла изъ комнаты, Матрена заперла за ней дверь.

ВОТЪ И ЯРМАРКА БЛИЗКОУ...

СЦЕНКА.

Въ бесѣдкѣ сада купца Поликарпа Семеныча Маливина сидѣли за чайкомъ супруга его, Анна Платоновна, весьма жирная и объемистая дама, и дальняя родственница, Лукерья Савельевна, сухая, поджарая и злая дѣвица, лѣтъ пятидесяти.

Передъ собесѣдницами стоялъ громадный самоваръ, окруженный тарелками съ сухарями; тутъ же возвышалась конусообразная бутылочка «поповки».

— Н-да, Луша, начинаетъ и сердечко ныть, начинаетъ, моя милая! съ глубокимъ вздохомъ сказала Анна Платоновна и отерла потный лобъ.

— Еще бы, Анна Платоновна, не ныть ему, коли оно бѣды-напасти чуетъ! Оно вѣдь чуткое, сердечко, оно все слышитъ... Теперь, мать моя, у всѣхъ почитай женъ купеческихъ одна думушка, одна заботушка — ярмарка Нижегородская! уныло проговорила Луша и устремила глаза на бутылку.

— Вѣрно, Лукерьюшка, вѣрно, голубушка... Водочки - то выпьешь, милая?

— Еще одну можно, Анна Платоновна... А вы сами - то?

— Ой, ужъ не знаю право...

— За компанію - то.

— Рази за компанію... Ваше здоровье!

— За ваше, благодѣтельница!

Собесѣдницы выпили и закусили.

— Мой - то, Луша, особливо отъ всѣхъ прочихъ карахтеренъ! продолжала прерванный разговоръ *сама*. — Онъ въ естествѣ - то дикъ, а какъ выпимши, да въ компаніи — святыхъ вонъ понеси!.. Ономясь у кума на именинахъ были мы; гостей, милая, много, все люди солидные, хорошіе; ну, пріѣхали это, сидимъ, чай пьемъ; все спервоначалу шло чинно, благородно, а какъ назюзюкался мой - то и пошла комедія!.. Сидѣлъ, сидѣлъ, да и выдумалъ оперу: почему, говоритъ, кумъ именинникъ, а я нѣтъ? Я, грить, рази хуже кума? Его, грить, всѣ поздравляютъ, а меня нѣтъ. Хочу быть именинникомъ!.. Стали мы его уговаривать; то да се; што вы, молъ, задумали, ваши именины своимъ чередомъ придутъ, и васъ проздравлятъ будутъ. — Ни - ни, и слышать не хочетъ! Меня промежъ лопатокъ кулакомъ огрѣлъ, индо икра у меня носомъ пошла, — икру мы ѣли до той поры, — а сватыюшку нехорошимъ словомъ обозвалъ...

Ну, хочу быть именинникомъ, и кончено дѣло! Поѣдемъ, грить, всѣ ко мнѣ, а, не то, грить, я разнесу все!.. На силу на великую уговорилъ его кумъ поласкательную чашку водки вышить, — повалить-де она его. И точно: какъ выпилъ, такъ и брякнулся; соннаго и домой отвезли... Такъ вотъ эдакой-то чудодѣй, одинъ, безъ мово супружескаго глаза, въ Нижній поѣдетъ! Какъ тутъ сердцу-то не болѣть? Какъ не ныть ему!..

— Ой, ноетъ, Анна Платоновна, ой ноетъ, поди какъ ноетъ!.. А вы вишневку пейте: она помогаетъ, думы-то тяжелыя отгоняетъ, пріятность эдакую даетъ...

— Даетъ?

— Даетъ.

— Буду употреблять; а то вѣдь и сна у меня нѣтъ! Лягу, а заснуть не могу; ворочаюсь съ боку на бокъ, да и кончено дѣло!..

— Отъ клоповъ можетъ? Вы бы персидской ромашки купили...

— Какое отъ клоповъ! Отъ заботы, милая, отъ заботы... Сны все такіе страшные снятся...

— Сны?

— Да; третьеводнясь легла я, — самого-то дома не было, засидѣлся гдѣ-то; — легла и заснула; заснула и вижу я, милая, будто у насъ по заламъ крокодилы ходятъ...

— Крокодилы?! Это вотъ што въ звѣринцахъ-то? Водяные - то?

— Они самые; ходять будто и говорятъ...

— Говорять?!

— Да, милая; вотъ, говорятъ, скоро и ярмарка, и Поликарпъ Семенычъ уѣдетъ; тогда, говорятъ, попируемъ мы; всѣ припасы у Анны Платоновны поѣдимъ, а потомъ и ее съѣдимъ! Такъ индо вскочила я съ кровати - то, да въ кухню убѣгла, милая!..

— Ай, ай, голубушка моя!.. А вѣдь не хорошій сонъ - то.

— А? Что же онъ обозначаетъ, Луша? Растолкуй, родная!

Лукерья Савельевна задумалась.

— Гмъ!.. Какъ вамъ, милая, сказать... Крокодилы - то это къ несчастію, это вѣрно ужъ... Еще-то что вы видѣли?

— Съѣсть они меня хотѣли крокодилы-то эфти...

— Ага! Это, матушка, бить васъ будутъ...

— Бить?

— Да; пріѣдетъ видно самъ-то и побьетъ за что ни на есть.

— Это, Луша, ничего, пусть побьетъ; ты, милая, вотъ что скажи мнѣ: не обозначаютъ ли крокодилы энти что-нибудь объ ярмаркѣ - то?

— Маленько касаются...

— Касаются?

— Да; это значить, что супругъ вашъ на счетъ дѣвичьяго пола слабость будетъ имѣть...

— Врешь, блюдолиза! раздался зычный голосъ около бесѣдки и въ дверяхъ показалась мощная фигура *самого*.

Пріятельницы вскрикнули и присѣли.

Самъ вошелъ въ бесѣдку.

— Ты чаво мутишь тутъ, чертова корга, а? обратился онъ къ Лукерьѣ Савельевнѣ. — Вотъ я тебѣ шлыкъ поправлю за энто за самое! А ты,—обратился онъ къ женѣ, — глупостевъ не слушай и въ сумлѣніе не входи; ярмарка, братъ, для торговли сдѣлана, да и гульнуть на ей можно, да!.. Свое мы возьмемъ, погуляемъ, это точно что, иначе излишковъ не будетъ... Ты, мокрохвостая, вонъ пошла, насидѣлась, налимонила и будетъ; а ты мнѣ чайку налей, да вели водочки принести... Живо!..

Лукерья Савельевна низко поклонилась грозному хозяину и на цыпочкахъ вышла изъ бесѣдки; а сама вздохнула и принялась заваривать свѣжаго чаю.

НЕ ВЫГОРѢЛО!

О ЧЕРКЪ.

В купца Прохора Саввича Выжималова старшему сыну исполнилось уже двадцать три года, и тятенька задумалъ его женить.

Въ Замоскворѣчѣ, которое отлично знаетъ Прохора Саввича и уважаетъ его, невѣсть есть достаточно, но Прохоръ Саввичъ рѣшился, во что бы то ни стало, женить сына на дочери рыбинскаго купца, милліонера Степана Ѳедоровича Утекова, за которой, какъ за единственной дочерью, давалось ни много, ни мало — сто пятьдесятъ тысячъ чистоганомъ.

— Фабрику вѣдь свою, Сашка, заведемъ, во какъ, размахнемся, ежели Утековъ дочь — то за тебя отдасть! говорилъ Прохоръ Саввичъ сыну.

— Очинно бы, тятенька, хорошо-сь, я бы тово-сь, съ радостью-сь, облизывался сыночекъ.

— Еще бы безъ радости!.. Мужикъ-то онъ очинно мудреный, сладишь ли съ нимъ...

— А что-съ?

— Листократъ, на образованной линіи стоитъ, потому по своему мѣсту первый человѣкъ, и куражу въ емъ, хошь на инерала хватить; опять же дочь у него въ пенціонѣ обучалась, по-нѣмецки говоритъ. Сѣренъки мы для нихъ, не показалось бы дико...

— Я самъ ничего-съ, въ грязь не ударю лицомъ, компанію могу водить съ кѣмъ угодно-съ и хоша въ пенціонѣ обученія не имѣлъ, а все же обхожденіе знаю-съ... По-нѣмецки тоже немного могу...

— Ну?

— Вѣрно-съ. Къ намъ въ лавку ходитъ одинъ чудакъ изъ образованныхъ, такъ, изъ нищей братіи, такъ я занялся у него-съ... *Фатеръ* по-нѣмецки значитъ «отецъ», *гебенъ зи миръ* — «дайте мнѣ»; на-примѣръ: *гебенъ зи миръ цукеръ* — это значитъ «дайте мнѣ сахару»; еще кое-что знаю... *кисъ миръ* значитъ — «поцѣлуйте меня»...

— Ай, Сашка, молодецъ! При случаѣ, значить, можешь подпустить?

— Отчего-съ. Я вобще могу образованный разговоръ имѣть, потому какъ танцамъ обученъ, фракъ нашиваль, и все такое... Вотъ вы, тятенька, канфуза не сдѣлайте-съ.

— Что-о?

— Я такъ-съ... Листократическаго въ васъ ма-

ло-съ, а въ маменькѣ такъ и совсѣмъ дикость одна...

Прохоръ Саввичъ задумался.

— Нда, это, братъ, вѣрно, вздохнулъ онъ.— Чего добраго — заупрямится, дикость нашу увидавши... Вотъ что, Александръ...

— Что-съ?

— Онъ, Утековъ-то, пріѣдетъ на выставку и безпремѣнно у насъ будетъ, такъ нужно намъ по-приготовиться принять его, отполировать себя, духу образованнаго подпустить, а тогда и сваху къ нему послать... Домъ у насъ хорошій, мебель первый сортъ, угостимъ мы вотъ какъ, да какъ при этомъ національность этакую пустимъ — дочка его будетъ наша! А? какъ думаешь?

— Это весьма возможно-съ, только маменька вотъ очинно дики-съ, сейчасъ это почнуть рыгать, слова неподходящія говорить, несообразности разныя дѣлать-съ...

— Это ты вѣрно... Вотъ что: надо взять какого ни на есть челоѣка съ образованіемъ, што-бъ онъ могъ деликатность разную преподать: объ разговорахъ теперича, о пріемѣ, обо всемъ этакимъ. Вѣрно?

— Вѣрно, тятенька. У меня есть одинъ на примѣтѣ-съ...

— Изъ студентовъ?

— Нѣтъ-съ, онъ фиціантомъ въ Дворянскомъ клубѣ служилъ, да за пьянство прогнали; мужчина

съ политикой и на счетъ словесности и обхожденія собаку съѣлъ.

— Ловкій?

— Вотъ какой!

— Ты его тово, позови... Фиціанты — они дѣйствительно народъ полированный: они и на счетъ стола все знаютъ, и обхожденія листократическаго насмотрѣлись... Ты позови его, потому Утековъ безпремѣнно на той недѣлѣ будетъ.

Я позову-съ... Очинно бы, тятенька, пріятно было на Утековской барышнѣ жениться-съ, потому приданое основательное, и онѣ изъ себя образованную особу представляютъ!

— Ты-съ во какъ бы хорошо!.. Свою фабрику бы, Александръ, завели! Нда!.. Фабрика Выжималова съ сыномъ! А?.. Орудуй, Сашуха, счастье въ руки ползеть!..

И отецъ, и сынъ рѣшились, во что бы то ни стало, достигнуть желанной цѣли.

Розовыя мечты смѣнялися одна другой, но страхъ сконфузить себя передъ «листократическимъ миллионеромъ», какъ темное облако, затуманивалъ эти мечты...

Наконецъ Утековъ пріѣхалъ въ Москву и на другой-же день обѣщалъ быть у Выжималова.

Съ утра приготовили все къ приему дорогаго гостя.

Въ комнатахъ было накурено до одури духами; всюду пестрѣли вазы, ковры, картины; въ гостинной стоялъ столъ, покрытый всевозможными закусками и винами.

Самъ Прохоръ Саввичъ былъ облеченъ въ новый сюртукъ и въ брюки «на выпускъ», хотя постоянно носилъ сапоги съ бураками. Супруга ходила по комнатамъ въ шумящемъ шелковомъ платьѣ, вся въ брилліантахъ и золотѣ, а Александръ Прохоровичъ надѣлъ фракъ и завилъ волосы у лучшаго замоскворѣцкаго парикмахера.

— Ну, Ѳекла Ивановна, не ударь же въ грязь лицомъ, не осрами себя, наставлялъ Прохоръ Саввичъ супругу.

— Да ужъ полно, знаю!.. Ужъ и то измучилъ ты меня науками-то своими!

— Главное, маменька, не утирайте носъ рукой, потому это вовсе не алистократическая мода, добавлялъ сынъ.

— Да замолчи ты, Сашка! Штой-то ты мать обучать вздумалъ? Глуше я тебя, што-ли?.. Очумѣли вы оба, погляжу я на васъ...

— Дура ты, дура! Можетъ, нонѣ намъ на всю жисть счастье дается, такъ нужно чай поприструнить себя!.. Вотъ обломаетъ это дѣльце — хошь што хошь дѣлай, а теперь, братъ, держи себя на

точкѣ!.. Хорошо ты поняла, какъ тебя фиціантъ-то училъ?

— Да поняла ужъ!

— То-то же... За обѣдомъ кушаньевъ-то много будетъ, нажрешься ты и сичасъ это рыгать почнешь — у меня што-бъ этого не было!

— Да что же, Прохоръ Саввичъ, не рыгнуть-то? Чай и образованные люди рыгаютъ; особливо ежели поминаетъ кто, завсегда икать зачнешь...

— А ты поосторожнѣй, тебя позываетъ — ты и поприкрой ротъ-то рукой... Не покурить ли еще духами въ горницахъ-то?

— Полно-ка, и такъ наладили до страсти...

Наконецъ около четырехъ часовъ желанный гость пріѣхалъ. Хозяева бросились встрѣчать его.

Утековъ, одѣтый въ изящный лѣтній костюмъ, развязно вошелъ въ залу.

— Честь имѣю кланяться, почтенный Прохоръ Саввичъ!.. Очень пріятно познакомиться съ вашимъ семействомъ, заговорилъ онъ.

— За честь почитаемъ, за счастіе... Вотъ жена моя, а это парень-то — сынъ... Жена, супруга, проси гостя-то...

— О чемъ, Прохоръ Саввичъ?

— У, дур... Къ закускѣ проси!.. Эка несуразая!..

— Пожалуйте, батюшка, закусить... Сдѣлайте честь нашему хлѣбу-соли... Такъ, Прохоръ Саввичъ?

Прохоръ Саввичъ метнулъ молніей на супругу.

— Не безпокойтесь, сударыня, не безпокойтесь, не потчуйте, я не церемоненъ, самъ подойду... Собрались куда нибудь, молодой человѣкъ? обратился Утековъ къ сыну Прохора Саввича.

— Нѣтъ-съ, никуда-съ... Ждали васъ, и очинно пріятно, что вы пріѣхали... Никуда-съ...

— Смотрю я — во фракъ вы: полагаль, что ѣдете куда; вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь, поѣзжайте...

— Нѣтъ-съ, ничего... Я завсегда во фракъ-съ; какъ таперича утро, такъ я фракъ и надѣваю, потому по нашему образованію безъ фрака никакъ никакъ нельзя-съ... Какъ вы поживаете?

— Благодарю васъ, хорошо.

— Очень пріятно-съ... На выставкѣ были-съ?

— Какъ же, былъ.

— Очинно хорошо тамъ-съ... Для образованнаго человѣка выставка... вобще, знаете, въ иностранныхъ земляхъ выставки, потому образованіе и все такое нужно... Папаша, мамаша, просите гостя къ столу, потому они, вѣроятно, въ апекитномъ настроеніи и чувствуютъ въ желудкѣ пустоту, а разговорами мы займемъ ихъ во время стола, какъ завсегда бываетъ у образованныхъ личностей...

— Милости просимъ, Степанъ Ѳедоровичъ, пожалуйста садиться, васъ только и ждали, все готово...

— Жена, супруга...

— Чаво, Прохоръ Савичъ?

— Проси къ столу гостя!.. У, ты...

— Пожалуйте, сдѣлайте милость... Пожалуйте!

Усѣлись за столъ. На-диво приготовленные нанятымъ поваромъ кушанья подавались двумя офиціантами: винъ было въ такомъ изобиліи, что хватило бы на сорокъ человѣкъ. Недоумѣвающий Утековъ посматривалъ на офиціантовъ, на вазы съ фруктами, на баттарыи бутылокъ.

— У васъ сегодня какое-нибудь торжество? спросилъ онъ.

— Нѣтъ... Тыся да: васъ ждали, гость дорогой, васъ! улыбнулся Прохоръ Савичъ, красный отъ выпитаго вина и волненія; онъ выжидалъ удобную минуту для сватовства и подбадривалъ себя изобильными возліянiями.

— У насъ, впрочемъ, завсегда такъ-съ, потому мы вобще живемъ на манеръ, какъ бы сказать, не свиней, а образованныхъ, подхватилъ сынъ.

Утековъ сдержанно улыбнулся.

— Поди, болѣ ста цѣлковыхъ обѣдъ-то вскочить, замѣтила сама.

Прохоръ Савичъ пнулъ ее подъ столомъ ногой.

— Такъ какъ у васъ нѣтъ никакого торжества, а обѣдъ такой превосходный, началъ Утековъ,—то позвольте мнѣ объявить мою семейную радость и, въ ожиданіи обѣда у меня, попросить васъ поздра-

вить меня... Я вчера просваталъ свою дочь за московскаго купца Мѣдякова, завтра будетъ сговоръ...

Прохоръ Саввичъ уронилъ рюмку, сынокъ поперхнулся кускомъ кулебяки, а «сама» всплеснула руками и ахнула.

— Вотъ тебѣ и разъ!.. Понапрасну всѣ муки-то мы терпѣли!.. Какъ же теперича, Прохоръ Савичъ?..

Прохоръ Саввичъ поднялся со-стула.

— Это ужъ... Это ужъ, тово... Я этого, можно сказать, не ожидалъ... Нну, исторія!.. Ежели бы я зналъ... А впрочемъ чертъ васъ всѣхъ задави!.. Жили безъ васъ и проживемъ безъ васъ... Утековъ, Степанъ Ѳедоровъ... Вѣдь сто пятьдесятъ тысячъ за дочерью-то онъ даетъ, — черти!

Прохоръ Саввичъ опустился на стулъ, положилъ голову на край стола и горько, горько заплакалъ...

Оффиціанты остановились въ дверяхъ съ принесенными блюдами; «сама» сидѣла, разинувъ ротъ, и обводила всѣхъ глазами; сынокъ замеръ на мѣстѣ съ кускомъ пирога во рту, а Утековъ... Утековъ понималъ наконецъ, въ чемъ дѣло, и, осторожно отодвинувъ стулъ, взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты...

ВЪ „ЭРМИТАЖЪ.“

СЦЕНКА.

Садъ «Эрмитажъ» блеститъ огнями; тамъ и сямъ сверкають на темномъ фонѣ весенней ночи электрическіе фонари; съ эстрады несутся звуки музыки; массы народу снуютъ по главной аллеѣ и по боковымъ тропинкамъ.

— Н-ну, Лентовскій ублаготворитъ за рупь-цалковый, неча сказать! замѣчаетъ купецъ, входя въ садъ подъ руку съ женой.

— Парень оборотистый, знаетъ тоже чѣмъ москвичей заманить, оттого къ нему и народу много ходитъ, говоритъ другой купецъ, немного «подъ мухой». — Теперича у него для кажиннаго сословія свой предметъ есть: благородной публикѣ—театръ, комедіи тамоди, преставленія и насчетъ тоже голоножія есть, барышни особыя заведены; для русскаго человѣка — пѣсельники, для иныхъ — музы-

ка, али канатное хожденіе, ну, а для человѣка пьющаго — буфетъ...

— Это ты вѣрно!... Про буфетъ-то ты упомянулъ — не ахнуть ли?

— Можно; хинной очинно хорошо, по весеннему времени, штука-первый сортъ...

— Хинная-то?

— Да, супротивъ лихорадки дѣйствуетъ...

Купцы направляются къ буфету.

— Ма-шеръ Мари, видѣли новыя костюмы на молчановскихъ пѣсельникахъ? спрашиваетъ дама въ синемъ пэнсне другую даму, безъ пэнсне.

— Нѣтъ, душенька, не видала. Хорошо?

— Ахъ, восторгъ! Представьте: душка Лентовскій одѣлъ ихъ тирольцами! Тирольская шляпа, коричневый плащъ, восторгъ!...

— Да? Но зачѣмъ же на русскихъ пѣсельникахъ тирольскіе костюмы?

— Для поэзіи, ма chère!...

— Дозвольте вамъ, сударыня, замѣтить, что вы немного ошибаетесь! вступаетъ въ разговоръ пальто на ватѣ въ старомодномъ цилиндрѣ.

— Что-съ?

— Ошиблись вы немного: это костюмы итальянскихъ бандитовъ, а не тирольскіе...

— Не можетъ быть!

— Честное слово благороднаго человѣка! У меня

есть картинка: итальянскіе бандиты или ночь въ Неаполѣ называется, такъ тамъ бандиты точь-въ-точь въ такихъ костюмахъ...

— Ври не дѣло-то. замѣчаетъ стоявшій рядомъ мѣщанинъ, закуривая папироску.

Пальто смотритъ на него.

— Это вы мнѣ говорите?

— Тебѣ! што ты барышень-то путаешь?

— Во первыхъ, я не ты...

— А ты не ври не дѣло-то!... Самые русскіе костюмы, барышни, только значить старинные; иначе по Волгѣ мужики носятъ и по сіе время...

Пальто насмѣшливо улыбается.

— Што зубы-то скалишь? Мы братъ, очинно хорошо это знаемъ, потому сами собственноручно костюмы эти шили по рисункамъ господина Михайла Валентиныча Лентовскаго...

Сконфуженное пальто отходить.

— Кузьма Панкратьичъ, поѣдемъ домой, поздно ужъ, поужинать охота, опять же тетенька ждетъ, говорить толстая купчиха въ бархатной ротондѣ мужу.

— Погоди!.. Вѣдь еще два дѣйствія въ тѣатрѣ-то, а исторію представляютъ очинно любопытную...

— Да поужинать-то охота, Кузьма Панкратьичъ!

— Прорвало. тебя!.. Вотъ апосля тѣатра здѣсь поужинаемъ на воздухѣ, подѣ музыку...

— Тетенька-то ждетъ...

— Плевать мнѣ на тетеньку твою!

— Какъ плевать, Панкратъичъ, вѣдь она изъ Костромы пріѣхала, два года не видались...

— Хошь бы изъ Китая, такъ мнѣ все равно! Сватъ, сватъ!... Егоръ Петровичъ, подь сюда! кричитъ купецъ и машетъ рукой проходящему по аллеѣ другому купцу.

— А, наше вамъ!.. И вы въ «Эрмитажъ» прикатили? подходить сватъ.

— И мы, братъ, приперли... Много занятнаго въ емъ, въ «Эрмитажъ» энтоть!

— Хошь отбавляй!.. Въ тіатрѣ были?

— Были, важно дѣйствуютъ!.. Браконьеры прозывается пантомина-то; штука занятная...

— Это не пантомина, а роль; пантомина безъ словъ, а тутъ съ разговоромъ...

— Такъ! Это што же значить: браконьеры?

— Браконьеры-то?... Это слово-то незнакомое, должно быть не русское... Я такъ полагаю, што на счетъ брака что нибудь...

— Тысь, сватъбы?

— Да; тутъ вѣдь бракъ и происходитъ...

— Пожалуй, што такъ... А буфетъ видѣлъ?

— Видѣлъ; съ Лимоновымъ опростали мы бутылочку очищенной; любезное дѣло на воздухѣ-то...

— Дѣло ахтительное... повторимъ?

— А домой-то, Кузьма Панкратычъ? ноетъ супруга.

— Эхъ, надоѣла ты мнѣ!.. Я тебѣ говорю, што дѣйствіе отсидимъ, поужинаемъ и домой; больше ты и не приставай ко мнѣ, а нѣтъ, я тебя словами обижу, а дома нарушеніе спокойствія сдѣлаю!.. Пройдемъ, сватъ, къ буфету...

По буфетной террасѣ прохаживается фракъ, на головѣ модная шляпа, на носу пэнсне безъ снурка, въ рукахъ хлыстикъ.

Франтъ напѣваетъ что-то изъ оперетки и алично посматриваетъ на ужинающихъ.

— Ба, Nicolas! подходитъ къ нему другой франтъ. — Что ты тутъ ходишь?

— Я?.. Имѣю, другъ мой, желаніе сдѣлать честь яствамъ буфета Буданова, но...

— Но аржанъ не имѣешь?

— Фи!.. Не знаю что бы съѣсть, все такъ на-скучило!...

— Хочешь, я тебѣ помогу составить мэню ужина, а ты меня за это меня пригласишь сдѣлать тебѣ компанію? Идетъ?

— Гмъ... да... но... Боже мой, какая разсѣянность!..

— Что? забылъ деньги дома?

— Представь себѣ — забылъ!...

— Со мной случилось хуже: у меня вытащили здѣсь!

-- Ай, ой!.. Много?

— Пустяки, сто рублей, но нужны деньги - то!.. Ивановъ ужинаетъ съ компаніей, пройдемся, авось пригласить...

Франты уходятъ, весело напѣвая.

— И какой апекить на воздухѣ, такъ это страсть! говоритъ толстый купецъ, уничтожая цыплятъ. -- Вторую смѣну ѣмъ, а все ѣсть хочется...

— Воздухъ, музыка, пѣніе, это возбуждаетъ аппетитъ-съ, почтительно говоритъ лакей, подавая новое блюдо.

— Это ты вѣрно; для апекита и ѣздить больше сюда...

— Опера многихъ привлекаетъ тоже-съ...

— Ну, опера оперой, а ужинъ само собой; на тощій желудокъ, братъ, опера твоя не нужна... Компаніи вотъ нѣтъ, одному ѣсть не повадно, а то бы я еще осетринки порційку съѣлъ...

— Русскіе купцы особенно любятъ покушать въ компаніи, любезно замѣчаетъ одинъ изъ франтовъ, закуривая папиросу отъ свѣчи, котóрая стоитъ передъ купцомъ. — Pardon, я побезпокоилъ васъ!..

— Ничаво-съ...

Купецъ подмигиваетъ лакею на франта.

— Энто вѣрно-съ; только компанья-то хороша съ человѣкомъ извѣстнымъ, а ежели какой ни на

есть стригулистъ навернется, на шарамыгу пожрать, такъ хорошаго мало...

Франтъ повертывается на ножкѣ и уходитъ.

— Хе, хе, хе! смѣется купецъ. — Теплый тоже народецъ, полированный!...

Съ эстрады раздается хоръ пѣсельниковъ.

— Залились православные, русскую пѣсенку затянули, за душу тронули! громко говорить какой-то баринъ и бѣжить къ эстрадѣ; толпа слѣдуетъ за нимъ...

ВЪ ГРОБОВОЙ ЛАВКѢ.

СЦЕНКА.

робовая лавка. Надъ дверями вывѣска, которая гласить: «Продажа гробовъ доброкачественныхъ и всякихъ купца Котенкова».

У лавкѣ на скамьѣ сидятъ — самъ купецъ Котенковъ и его сосѣдъ, бакалейщикъ Совалкинъ.

— Вотъ, кажись, и осень взаправская начинается: дожди пошли, холодкомъ потянуло и меланхолія какая-то въ воздухѣ, говоритъ Котенковъ.

— Да, приходитъ время сомнительное! вздыхаетъ Совалкинъ. У тебя торговля пошибче пойдетъ...

— Давай-ка Богъ, а то совсѣмъ тихо торговали, что ни день — то убытокъ:

— Экъ тебя дернуло! укоризненно замѣчаетъ бакалейщикъ.

— А что?

— Да какъ же: «давай-ка Богъ» говоришь! Нешто эфто можно?

— А что же такое? У кажиннаго, братъ, купца своя торговля, и кажинный отъ барыша-то не прочь!

— Такъ-то такъ, а все же...

— Ничего не все же! Тебѣ хорошо: у тебя круглый годъ торговля идетъ, а у насъ только весна, да осень и побойчѣй, а то хоть лавку закрывай!.. И народъ нонѣ какой-то чудной сталъ, братецъ ты мой!

— А что?

— Да какъ же: захворалъ генераль Синеоковъ, захворалъ вплотную, крѣпко; ладно. Прихожу я къ управляющему; «какъ, молъ, полагаете — умереть, ай нѣтъ?» «Надо, гыть, полагать умереть, потому совѣмъ плохъ». Хорошо. «Вотъ, говорю вамъ благодарность, а вы ужъ ко мнѣ, ежели кончится»; и даю три цѣлковыхъ. Пришелъ въ лавку и сейчасъ приказалъ гробъ одинъ отдѣлать и глазетомъ обить... Что же ты думаешь, братецъ ты мой: выздоровѣлъ вѣдь генераль-то!

— Ну?

— Вотъ те Христось! Лучше, да лучше, и всталъ! Прихожу я къ нимъ, а у нихъ радость, чуть не пляшутъ всѣ, а мнѣ горе: гробъ-то и по сейчасъ стоитъ!

— Ну, а управляющій-то что?

— Ничего! Прихожу я къ нему: «какъ же говорю, вамъ не совѣстно, господинъ!» А онъ и говоритъ: «мнѣ, гыть, не душить же его, я гыть, не виноватъ, што онъ ожилъ!» Я прошу трешницу-то

назадъ, а онъ не даетъ: не моя, гыть, вина! Ужъ насилу упросилъ пополамъ грѣхъ раздѣлить... Вотъ она наша торговля-то какая!

— Нда! Ну, а гробъ такъ и стоитъ?

— Такъ и стоитъ!.. Не знаешь ли кого на примѣтъ?

— Гмъ!.. У Солодова старикъ плохъ былъ, не знаю, лучше ли; я вотъ спрошу...

— Будь другъ, похлопochи! А у тебя дочь-то хворака какова?.. Я бы уступилъ по сусѣдски...

— Тыфу ты! Типунъ тебѣ на языкъ! Она, благодаря Господу, давно поправилась, женихъ сватается, а онъ — на поди!

— Да нѣтъ, я такъ, думаю по сусѣдски...

— Такъ не умирать же мнѣ для твоего гроба самому, чудака ты этакій!

— Зачѣмъ умирать!.. А ребятишки-то у тебя всѣ здоровы? Скарлатины, али воспы не предвидится?

— Да полно, Егоръ Митричъ! Что ты накликаешь?

— Нѣтъ, я ничего, только къ слову... У Степанова отецъ, говорятъ, плохъ; надѣть ужо навѣдаться...

— Ужъ тебя съ эфтой манерой отколошматятъ гдѣнибудь! сердито говорилъ Совалкинъ.

— Тоись, какъ?

— Да такъ! Придешь вотъ ты куданибудь со

справкой-то этакой, а тебя по становой жилѣ и проводятъ!

— Бывало, братъ, и эфто!

Котенковъ вздохнулъ.

— Ну? гдѣ же это?

— А у Полозова, на Покровкѣ. Самъ съ перепоею захворалъ, захворалъ шибко, за попомъ послали, вотъ я и иду къ нему справиться. Прихожу къ дому, молодецъ ихній бѣжитъ куда-то. — «Куда, молъ, ты?» А онъ меня знаетъ; «за попомъ, говоритъ: самъ приказалъ долго жить!» Обрадовался это я...

— Обрадовался?

— Обрадовался, потому люди богатые и покупатели мои: пятерыхъ я у нихъ хоронилъ... Прибѣжалъ я въ домъ, по лѣстницѣ иду, а самъ-то ко мнѣ на встрѣчу — здоровехонекъ! «Ты, гыть, што?» «Я, молъ, къ вамъ, Миколай Филиппычъ: слышалъ, што вы приказали долго жить»...

— Ну?

— Ну, схватилъ онъ меня за воротникъ, повернулъ, да какъ дастъ промежъ лопатокъ, супротивъ сердца — такъ я и вылетѣлъ на дворъ!..

— Ха, ха, ха!.. Вотъ супризь-то! Ха, ха! закатился Совалкинъ.

— Тебѣ хорошо смѣяться-то, а у меня въ тѣ поры сина-то пять день болѣла — самъ-то Полозовъ мужикъ корпусный, архитектурный кулачище у яво!

— Чудно!

— Что дѣлать? коммерція!.. Вотъ съ прикащикомъ теперь быюсь, бѣда просто!

— А что?

— Да жилъ онъ, видишь ты, раньше-то въ галантерейномъ магазинѣ въ Ножевой линіи; ну, повадки-то у него и остались рядскія: зазываетъ покупателей!..

Совалкинъ такъ и покатился отъ хохота. Котенковъ сердито посмотрѣлъ на него.

— Што ржешь-то? Тебѣ смѣшно, а мнѣ, братъ, не до смѣху!..

— Ой, уморилъ!.. Зазываетъ!.. Въ гробовую-то лавку зазываетъ!.. Ха, ха, ха!..

— Нда! Привычка-то, говорятъ, вторая природа, ничего ни подѣлаешь!.. Стоитъ у лавки-то, соскучится, вздремнетъ, да потомъ и вскочить, какъ оглашенный! Къ намъ, гыть, пожалуйста, у насъ покупали! Великолѣпныя, гыть, вещи для вашей милости есть!.. Сколько скандаловъ бывало — страхъ!.. На дняхъ баринъ какой-то актъ хотѣлъ составить: это, гыть, насмѣшка. Насилу упросили ужъ! А то барыня одна зонтикомъ его шаркнула!..

— Ой, уморишь! закатывался Совалкинъ.

— То-то уморишь!.. Васъ не скоро уморишь: живучи...

— Тьфу!.. Я, братъ, ей Богу, сердиться на тебя буду!

— Нѣтъ, я такъ... А то краснорядецъ Сибиряковъ штуку надо мной отмочилъ: прїѣхалъ къ нему покупатель изъ Владиміра, да и спрашиваетъ: гдѣ бы, гыть, мнѣ дипломатъ получше купить? А тотъ его и пошли ко мнѣ; иди, гыть, на Дмитровку, спроси лавку Котенкова; ну, тотъ вечеромъ и приходитъ, мы запирались ужъ хотѣли. Подходить, да и спрашиваетъ прикащика: есть у васъ дипломаты? а тотъ, соня, не разслышалъ, што ли, да и говорить: есть, гыть, вамъ какой — дубовый или сосновый?..

— Ха, ха, ха!.. Ну?

— Ну, тотъ обидѣлся, да въ рожу ему и харкнулъ! Потасовка у нихъ пошла, за волосы другъ друга сгребли — насилу розняли!..

— Коммерція!

— Да, братъ, коммерція! А то вотъ...

Но въ эту минуту къ лавкѣ подходитъ какой-то господинъ.

— Есть у васъ готовые гроба?

— Есть, пожалуйста-съ!

Котенковъ поспѣшно вскакиваетъ и ведетъ покупателя въ лавку.

— Какой желаете-съ? Обитые есть, подъ дубъ-съ, подъ ясень-съ...

— Мнѣ нужно газетовый...

— Есть и такой-съ... Вамъ для себя?

Господинъ сердито плюетъ.

— Что вы угорѣли, что-ли?! Я, слава Богу, живъ еще!..

— Нѣтъ-съ, я не про то-съ... Бываетъ, что по порученію чьему-съ, а ежели себѣ, ты-съ для сродственниковъ, такъ можно предложить еще товарцу-съ потребнаго-съ: кисти тамъ-съ, ножки-съ, али для похоронъ что-съ...

— Дядя у меня умеръ...

— Такъ-съ... Пожалуйте мѣрочку.

Господинъ подаетъ мѣрку, и Котенковъ прикидываетъ ее къ глазетовому гробу, приготовленному для выздоровѣвшаго генерала. Гробъ коротокъ, но Котенковъ ухитряется пригнать его къ мѣркѣ.

— Въ пору-съ... Отличный гробикъ-съ!

— Какое въ пору! Коротокъ этотъ гробъ, развѣ вы не видите?

— Чуточку коротокъ-съ... Эфто ничего-съ...

— Какъ ничего?!

— Малость самую-съ коротокъ, можно въ колѣночкахъ посогнуть будетъ дяденьку вашего-съ, эфто ничего-съ...

— Нѣтъ, Богъ съ вами!.. Покажите другой...

— Возьмите эфтотъ-съ, я бы уступилъ вамъ...

— Да зачѣмъ же мнѣ его, если онъ коротокъ? Помилуйте!

— Гробикъ-то очень хорошъ-съ! Право можно въ колѣночкахъ посогнуть, эфто бываетъ-съ...

— Подите вы! покажите другой...

— Гмъ... Глазетоваго - то у меня другаго нѣтъ, придется на заказъ... Позвольте по васъ мѣрочку-то прикинуть...

— Зачѣмъ это?

— А я взгляну, какъ вашъ дяденька-то ростомъ были...

Котенковъ прикидываетъ.

— Почти съ васъ-съ... Вы, вотъ, лягьте-съ въ этотъ гробикъ, увидите какъ ловко-съ, въ самую пору будетъ-съ...

— Не лягу я! Съ ума вы сошли!.. Ну на заказъ сдѣлайте; сколько будетъ стоять?

— Попрочнѣй-съ?

— Конечно! Какъ обыкновенно дѣлаютъ...

— Гмъ! А вы возьмите парочку, я съ васъ дешево бы взялъ...

Господинъ изумленъ.

— Да зачѣмъ же мнѣ парочку?!

— Можетъ родственниковъ больныхъ нѣтъ ли?.. У меня гробъ-то этотъ безъ дѣла стоять!..

— Чортъ васъ возьми съ гробами вашими! въ бѣшенствѣ говоритъ господинъ и бѣжитъ изъ лавки...

Котенковъ догоняетъ его.

ПРІЅДЪ УЧИТЕЛЯ.

ДЕРЕВЕНСКІЯ КАРТИНКИ.

Въ село Выморково пріѣхалъ учитель. Приговоръ объ открытіи училища еще состоялся весной, и домъ ужъ подъ училище наняли, да учителя долго не назначали; опять же было рабочее время: «не до пустяковъ тутки», говорили мужики: «вотъ ужъ благословясь съ осени начнемъ». И вотъ, въ теплый сентябрьскій день, въ Выморково вѣхала телѣжка, запряженная парой лошаденокъ, управляемыхъ оборваннымъ мужикомъ. Въ телѣжкѣ, на сѣнѣ, покрытомъ рогожей, сидѣлъ молодой человѣкъ въ коломенковой парѣ, въ широкой шляпѣ и въ синихъ очкахъ. Это и былъ Выморковскій учитель, воспитанникъ учительской семинаріи, Петръ Петровичъ Кузьминъ.

— Эй, поштенной! окликнулъ возница сидѣвшаго у воротъ крайняго дома мужика.

— Чаво? отозвался тотъ.

— Эфто штоль Выморково?

— Выморково? Оно самое, а што тебѣ?

— Да вотъ, учителя къ вамъ вязу... Путались, путались тутотки, въ лѣсу-то вашемъ, насилу до-ползли, чертъ яво дери! неизвѣстно кого обругалъ ямщикъ.

Мужикъ между тѣмъ подошелъ къ телѣгѣ и пристально сталъ разсматривать учителя.

— Куда же приставать-то? обратился ямщикъ къ учителю.

— Къ волостному правленію поѣзжай. Гдѣ тутъ у васъ правленіе-то? спросилъ учитель мужика.

— Правленіе-то? А вотъ тутъ, за эфтимъ посадомъ... Учителемъ къ намъ?

— Да, учителемъ; буду ребятъ вашихъ уму-разуму учить, грамотѣ...

— Такъ. Эй, дядя Калистратъ! позвалъ мужикъ идущаго по улицѣ сосѣда. Подъ-ка сюда.

— Пошто?

— А ты поды! Вишь ты — учителя къ намъ привезли, смотри поди на яво...

— О? воскликнулъ подошедшій дядя Калистратъ и поклонился учителю. — Учителемъ къ намъ?

— Учителемъ, да. Не знаете, дома старшина?

— Старшина — а?

— Да.

— Што ты, чудакъ! Да, вѣдь, чай праздникъ нонѣ, Звиженье, — гдѣ же яму дома быть? гуляетъ!...

— Такъ куда же мнѣ пристать-то? Въ правленіи никого нѣтъ?

— Кому тамъ быть? Всѣ гуляютъ таперь. А ты, чудакъ, въ трактиръ ступай, чаю съ дороги напейся, а завтра ужъ и въ правленіе пойдешь...

— А ночую-то я гдѣ же? спросилъ учитель.

— А хошь у меня, хоть у дяди Калистрата, все одно...

— Спасибо за ласку. Ну, такъ трогай къ трактиру, обратился учитель къ возницѣ.

— А вы, ребятунки, покажите дорогу.

Пара тронулась. Рядомъ съ телѣжкой пошли мужики. По дорогѣ пристали еще трое.

— Робя! крикнулъ одинъ изъ провожатыхъ толпѣ мужиковъ, стоявшихъ у кабака, подь сюда: учителя возьмемъ...

Толпа подошла. Нѣкоторые поклонились.

— Куда вы яво везете теперь? спросилъ одинъ.

— Въ трактиръ, — чай пить хочетъ, а потомъ ночевать вотъ къ дядѣ Калистрату.

— Пошто къ дядѣ Калистрату?

— Надо яво къ старостѣ; онъ на казенную фатеру поставитъ, по наряду, замѣтилъ одинъ.

— Знамо къ старостѣ! Може онъ еще бѣглый, кто яво знаетъ?

— А ты не ври зря-то! Какой же онъ бѣглый, коли учитель? насмѣшливо спросилъ дядя Калистратъ.

— А у яво на лбу штоль написано, што онъ учитель? Много ты тоже знаешь! Вязи яво къ старостѣ! Чаво тутъ болтать-то? Вязи! ораль сильно выпившій мужикъ въ теплой шапкѣ и босой.

Учитель недоумѣвающимъ взглядомъ смотрѣлъ кругомъ. Онъ чувствовалъ себя очень неловко среди этой толпы отцевъ и братьевъ его будущихъ учениковъ.

— А вотъ я те кнутомъ огрѣю, ты и перестанешь зря-то болтать! осадилъ босаго мужика ямщикъ, бойкій, бывалый горожанинъ. Вишь, какое еще начальство безсапожное нашлось!

Ямщикъ стегнулъ лошадей и рысцей подкатилъ къ трактиру

Чрезъ полчаса все село знало уже о приѣздѣ учителя.

Давно напуганные ребята торопливо подбѣгали къ трактиру и украдкой заглядывали въ окна на учителя.

— Отошла вамъ теперича, ребятушки, лафа: проберетъ васъ учитель! Кажинную субботу драть будетъ, да на колѣни на дресву становить! пугаль молодой парень ребятишекъ. Тѣ тарасили глаза и испуганно посматривали на окна трактира. Самые маленькіе съ ревомъ убѣжали домой.

Въ трактиръ набралось было множество народу, но трактирщикъ рыгналъ большинство; остались

только тѣ, которые спросили себѣ чаю или водки.

Въ маленькой комнатѣ, оклеенной обоями и лубочными картинами, за столомъ, покрытымъ цвѣтной скатертью, сидѣлъ учитель и пилъ чай съ ямщикомъ, дядей Калистратомъ и мужикомъ, первымъ его встрѣтившимъ. И у дяди Калистрата и у того мужика были дѣти, и мужики изъявили непремѣнное желаніе угостить учителя чаемъ. Трактирщикъ сидѣлъ рядомъ за столикомъ съ выпившимъ мужикомъ, одѣтымъ лучше другихъ.

Съ другой стороны, за сдвинутыми двумя столами, установленными чайной посудой и бутылками съ водкой, сидѣла большая компанія мужиковъ. Въ дверяхъ толпились тоже мужики, тщетно погоняемые половымъ.

— Что же, эфто очинно хорошо, что таперича школу открыли: просвѣщеніе и все такое. Опять же ндравственность... Мы эфто завсегда должны понимать! говорилъ трактирщикъ, молодой еще человѣкъ, съ разбитными манерами и нѣсколько выпившій. — Не угодно ли? протянулъ онъ учителю портсигаръ польскаго серебра.

— Благодарю, я не курю, отвѣтилъ учитель на предложеніе.

— Ихъ тоже къ эфтому не приучали чай; тоже драли, я полагаю, за эфти художества-то! замѣтилъ дядя Калистратъ.

— Знамо, драли, оттого онъ все и знаетъ, ска-
залъ одинъ изъ сосѣдней компаніи.

— Все? спросилъ сидѣвшій съ трактирщикомъ.
А ежели таперь я могу его спросить, и онъ не
отвѣтитъ мнѣ на мой спросъ, тогда какъ?

— Ну спроси, Карпъ Егорычъ, спроси! Ты вѣдь
у насъ башка!

Карпъ Егорычъ самодовольно усмѣхнулся и съ
плутовскимъ видомъ уставился на учителя.

— Скажи ты мнѣ вотъ што: кто родился и не
умиралъ?

— Да вотъ вы родились и не умирали, я, вотъ
онъ, съ улыбкой отвѣтилъ учитель.

— Молодецъ! похвалилъ дядя Карпъ не совсѣмъ
довольный скорымъ отвѣтомъ.

— Эфто онъ знаетъ: эфто не штука, а вотъ ты
што мнѣ скажи, коли ты ученый: што будетъ, коли
китъ-рыба, на которомъ земля стоитъ, повернется?
Вотъ ты што скажи! очень гордо выступилъ изъ
толпы бойкій мужикъ, маленькій и совершенно
рыжій.

Вся компанія съ любопытствомъ посмотрѣла на
учителя.

Земля не на китѣ стоитъ; это только бабьи
сказки, сказалъ учитель.

— Какъ, не на китѣ? Што ты, братъ, бредишь!..
А на чемъ же она стоитъ? спросилъ рыжій.

— Это долго объяснять. Вотъ приходите въ школу, — я объ этомъ буду объяснять, и вообще многое буду объяснять интереснаго и для васъ новаго...

— Ну ужъ эфто, другъ, ты — тово... заучился! На чемъ же она, какъ не на китѣ? Эфто и на картинкѣ есть...

— Всеконечно эфто одна только темнота ваша, заговорилъ трактирщикъ: какой же китъ можетъ землю сдержать, когда она таперича столь обширна! Оять же китъ вѣдь ѣсть и пить должднѣ! Магнитомъ земля держится, а магнитъ эфто у самого, значить, окіана, на манеръ, какъ бы шпиль какой стоитъ, самодовольно добавилъ онъ и посмотрѣлъ на учителя.

— Врешь! загорячился рыжій. Если магнитомъ держится, — на чемъ же магнитъ-то? На окіанѣ, ты говоришь, да вѣдь окіанъ-то тоже на землѣ! Эфто мы доподлинно знаемъ: у меня дядя во флотѣ служилъ и по эфтому самому окіану на кораблѣ хаживалъ. Ты, братъ, не дѣло-то не ври!..

— Вотъ откуда рыжіе развелись? Эфто вотъ любопытно!.. Говорятъ...

— Ахъ ты кабацкая затычка! разсердился рыжій. Ты бы вотъ лучше чай-то! собиралъ по божески, а только слава што чай, а бурда какая-то!.. Ругатель... міроѣдъ чертовъ!..

Толпа захохотала, и рыжій стушевался, обозвавъ на прощаніе и учителя и трактирщика еретиками и дураками.

— Слышь ты, учитель! обратился къ учителю съ сосѣдняго стола совершенно пьяненькій мужичекъ, одѣтый, не смотря на страшную духоту, въ дубленку и подпоясанный кушакомъ. Ты мнѣ вотъ што скажи: знаешь ты міросотворенъе? Изъ чаво, таперича, эфтотъ самый міръ взялся? Скажи ты мнѣ, я те, ей Богу, завтра поднесу!..

— Міръ сотворилъ Богъ изъ ничего, по одному слову, въ шесть дней...

— Вѣрно; мы эфто, братецъ ты мой, знаемъ!.. Нѣтъ, ты скажи: изъ чаво міръ хрестьянскій сотворенъ? Вѣдь изъ Хамовъ онъ сотворенъ?

— Ну, этого я не знаю! засмѣялся учитель.

— Дуракъ же ты, братецъ ты мой!.. Ну, а столбоповтореніе вавилонское ты можешь мнѣ разсказать? Очинно мнѣ любопытно узнать, что эфто за столбоповтореніе такое!.. Опять же Ева, Адамъ и все такое... Разскажи, будь другъ!.. А то не знаешь ли ты вотъ чего: говорятъ, ежели воронѣ на хвостъ соли посыпать невзначай, — ворона не полетитъ, потому она поганая птица, а соль — хлѣбу родная сестра и не руками ее дѣлаютъ, сама родится. Правда ли эфто?.. Ты, братъ, все мнѣ эфто разскажи, а я тебя ублаготворю!.. А ты, дурашной,

не смѣйся, я те дѣло говорю!... Што ты зубы-то скалишь, оглашенный?

— Необразованность одна-съ, дикость у ихъ, замѣтилъ трактирщикъ.

— У каво необразованность? У меня, штоль? спросилъ мужикъ въ дубленкѣ. Врешь, братъ! Я, можетъ, больше яво знаю, нда! Онъ ошшо и на свѣтѣ не былъ, а я ужъ въ Питерѣ жилъ, всего тамоти насмотрѣлся!.. Ты бывалъ въ Питерѣ? обратился онъ къ учителю.

— Нѣтъ, не былъ.

— Какой же ты опосля эфтого учитель, коли ты въ столичномъ городѣ Санхтѣ Питербурхѣ не былъ? Эхъ, братъ!... А ты пошто очки носишь? Отъ моды?

— Нѣтъ, я глазами плохъ.

— Вотъ оно што!... Плохой, братъ, ты учитель, какъ я посмотрю: о міротвореньи ты не знаешь, въ Питерѣ не былъ, глазами плохъ! Не учителемъ тебѣ быть бы!... А ты изъ кутейниковъ будешь?

— Нѣтъ, я сынъ крестьянина.

Мужикъ въ дубленкѣ удивленно взглянулъ на учителя.

Посмотрѣли и другіе.

— Врешь, ай и въ правду баешь?

— Правду говорю, зачѣмъ же я буду врать?

— Христианина? Тысь такого же, какъ мы?

— Да, обыкновеннаго крестьянина.

— Какъ же ты эфто науку произошелъ?

— А вотъ выучился въ сельской школѣ, а потомъ въ учительскую семинарію пошелъ — учителемъ и сдѣлался.

— Поди ты! воскликнулъ дядя Калистратъ. До чего нашего брата довели!...

Мужикъ въ дубленкѣ задумался.

— А вѣдь это, братцы, хорошаго ничего нѣтъ, началъ до сихъ поръ молчавшій мужикъ, серьезнаго вида.

— Почему? Нѣтъ, ничаво. Онъ, по крайности, будетъ робять нашихъ жалѣть, потому свой братъ...

— Не для жалости яво сюда прислали, а для науки, а какую же онъ можетъ науку преподавать, коли онъ самъ мужикъ? Эфто дѣло кутейниковъ, вотъ што! У cadaго своя линія должна быть: Баринъ — по начальству, али по военной части, купецъ — по торговлѣ, крестьянинъ по хрестьянству, а кутейникъ — по наукѣ, али въ попы! А то эфто не модель будетъ...

Мужики горячо заспорили.

Учитель кончилъ чай и, простившись съ трактирщикомъ и нѣкоторыми мужиками, пошелъ подъ гостепріимный кровъ дяди Калистрата.

На другой день учитель отправился «представляться» старшинѣ.

У крыльца волостнаго правленія было уже довольно много народа, когда онъ пришелъ туда.

— Добраго здоровья. господа! привѣтствовалъ онъ мужиковъ.

— Добраго здоровья, отвѣчали ему. Нѣкоторые изъ дожидавшихъ были вчерашніе знакомые.

— Къ старшинѣ идешь? спросилъ одинъ изъ знакомыхъ.

— Да, къ нему. Въ правленіи онъ?

— Чай съ писаремъ въ бокоушкѣ пьетъ. Подъ туда, тебя пустятъ.

Учитель вошелъ въ правленіе.

— Кого вамъ? спросилъ его сторожъ, который сидѣлъ на лавкѣ и вязалъ пучки розогъ.

— Старшину мнѣ нужно, голубчикъ; гдѣ онъ?

— А вотъ тутъ въ каморочкѣ. Идите туда.

Учитель подумалъ, что лучше будетъ, если онъ взойдетъ по докладу. «Еще обидится пожалуй, кто его знаетъ!»

— Поди, скажи ему, что учитель желаетъ его видѣть; можно ли еще ему...

— Чаво не можно? Чай съ писаремъ пьетъ. А, пожалуй, я скажу.

Сторожъ покрѣпче затянулъ веревочку у послѣдняго пучка и помахалъ имъ въ воздухъ.

— Ладно будетъ, сказалъ онъ. Вотъ розги припасаю: драть сегодня троихъ будемъ.

И онъ пошелъ.

— Яковъ Ивановичъ, слышался его голосъ, въ каморкѣ: тамъ учитель пришелъ до васъ, сюда, штоль, его пустить?

— А!... Проси сюда, проси! отвѣчалъ густымъ басомъ старшина.

Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, очень полный и очень важный; онъ сидѣлъ старшиной третье трехлѣтіе и вполнѣ освоился съ своимъ званіемъ.

Будучи богаче всѣхъ мужиковъ Выморковской волости, онъ имѣлъ торговлю и «знался» со всѣми купцами губернскаго города, а его званіе старшины давало ему возможность очень часто бесѣдовать *съ начальствомъ*; спѣсь первыхъ и покровительственный манеры втораго онъ присвоилъ себѣ очень скоро.

— Наше вамъ почтеніе, господинъ учитель! Все ли въ добромъ здоровьѣ? началъ онъ. лишь только учитель вошелъ въ комнату.

— Здравствуйте, г. старшина. Имѣю честь откомендоваться вамъ: учитель вашего училища. Петръ Петровичъ Кузьминъ; вотъ бумага о моемъ назначеніи въ ваше село...

— Хорошо-съ. Господинъ писарь, возьмите бумагу! Прошу васъ присѣсть, господинъ учитель...

Учитель сѣлъ.

— Просвѣщать наше село будете? спросилъ старшина, помолчавъ. Онъ видимо обдумывалъ, какъ бы лучше провести первую аудіенцію.

— Да. Буду, по возможности, стараться.

— Это весьма хорошо. Наука, будемъ таперича говорить, есть вообще... познаніе и все такое... Не угодно ли чаю?

— Благодарю васъ, я уже пилъ.

— Для компаніи? Иванъ Карпычъ, налейте имъ стаканъ чаю. Это вотъ писарь *мой*, господинъ Карповъ.

Писарь подаль учителю руку.

— Очень радъ-съ быть знакомымъ. Просвѣщеннаго общества у насъ нѣтъ. будемъ знакомы. сказалъ онъ.

— Они тоже учены достаточно: были кантонистомъ, пояснилъ старшина. — Когда начать думаете свою *карьеру*? Я такъ полагаю, что въ воскресенье отслужить молебенъ и открыть училище съ подобающей церемоніей... Хорошо это будетъ?

— Отлично - съ. Вѣдь въ училищѣ все уже готово.

— Досконально все! Я блюду это... Состоя, таперича, старшиной, мое... моя обязанность соблюдать все... А науку наипаче, потому въ теперишнее время нужно...

Наступило молчаніе.

Старшина звонко тянулъ съ блюдечка чай и многозначительно таращилъ глаза.

Писарь кокетливо курилъ папироску изъ янтарнаго мундштука.

— Относительно образованія вамъ, конечно, все извѣстно? спросилъ старшина, допивая чай.

— То-есть что? спросилъ въ свою очередь учитель.

— Самое эфти обученіе и преподаваніе будете производить на новый манеръ?

— Они хотятъ спросить: по звуковому способу или по старому будете вы преподавать. объяснилъ писарь.

— Ну—да, я эфто и говорю! Таперича — звуковой способъ одно, а то не звуковой — другое. Это мы понимаемъ...

— Да, по звуковому. А вы имѣете дѣтей? обратился учитель къ старшинѣ.

— И очень. У меня три дочери и сынъ; эфтотъ сынъ — ваше достояніе: произведите его... Хошамнѣ мыслимо отдать его въ дальнюю науку, но доколиче онъ произойдетъ здѣсь... По нѣмецкому вы обучать можете?

— Нѣтъ; нѣмецкаго языка я не знаю. А что?

— Желательно по нѣмецки обучить впослѣдствіи сына; по нынѣшнему время эфто не худо. Вѣрно?

— Да, конечно; образованіе ни въ какомъ. словіи не лишнее.

Учитель допилъ чай и всталъ.

— Такъ пока до свиданія, Яковъ Ивановичъ. Когда вы кончите занятія въ правленіи, я бы попросилъ васъ показать мнѣ училище, вмѣстѣ бы и посмотрѣли.

— Очинно хорошо-сь. Я скоро. У насъ сегодня троихъ наказывать будутъ, не угодно ли полюбопытствовать? А потомъ и пойдемъ училище...

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не охотникъ...

— Хе, хе. хе... Ну, какъ угодно-сь...

— Такъ до свиданья, Яковъ Ивановичъ!

— До увиданья, господинъ учитель.

Въ это время старшина вспомнилъ, какъ при немъ исправникъ приглашалъ новаго чиновника къ себѣ обѣдать, и точно также потрясъ учителю руку и сказалъ:

— Прошу обѣдать ко мнѣ сегодня: эфто мой обычай; не откажите ветерану!....

ПОРЪШИЛИ КАБАКЪ ЗАКРЫТЬ.

Картинка изъ деревенской жизни.

Введеніевъ день. Въ селѣ Огарковѣ храмовой праздникъ, и цѣловальникъ, Вавило Степанычъ Краснобрюховъ, съ удовольствіемъ потираетъ руки, ожидая знатной торговли на три, а нѣтъ такъ и на четыре дня.

Пять кабаковъ у Краснобрюхова въ волости, но ни одинъ изъ тѣхъ кабаковъ не торгуетъ такъ шибко, какъ Огарковскій, потому село большое, торговое, и народъ въ немъ промышленный — серпы дѣлаютъ и на всю губернію ихъ поставляютъ.

Нарочно обѣдни не достоялъ Вавило Степанычъ, домой поторопился, чтобы приготовить все, да пораньше кабакъ открыть.

Вотъ зазвонили къ молебну; обѣдня кончилась; — значитъ, сейчасъ народъ и въ кабакъ повалить. У пьяницъ и то ужъ въ карманахъ деньги точно горячія лежатъ, карманы тѣ жгутъ.

Прошло полчаса, а народу все нѣтъ.

— Видно сходъ какой затѣяли, подумалъ Вавило

Степанычъ и даже улыбнулся, потому зналъ, что со всякаго схода лишникъ ведра два-три сойдетъ.

А у церкви и то сходъ собрался. Не звали десятскіе на тотъ сходъ, не ходили подъ окнами съ палочкой — все село почти было за обѣдней, и при выходѣ волостной старшина каждому православному самъ говорилъ: «пообожди на дворѣ церковномъ: слово есть у меня до васъ».

Собрались мужики, стоятъ, толкуютъ о томъ, о другомъ.

Вышелъ старшина, поклонился народу, откашлялся.

— Съ праздникомъ, православные! Въ радости вамъ праздничекъ провести желаю, въ мирѣ, да въ покоѣ! громко началъ старшина.

— Спасибо, Иванъ Макарычъ!.. И тебя съ праздникомъ! загудѣлъ міръ.

— Хочу я вамъ, православные, слово сказать, выслушайте меня и такъ ли, сякъ ли рѣшите одно дѣло мірское; дѣло важное, сурьезное; дѣло, до котораго не то что у мужика, а и у бабы любой душа болитъ!.. Былъ я, православные, въ губерніи и узналъ тамъ много новаго... Много и раньше того приводилось мнѣ новостей слышать, да еще не слыхалъ я никогда того, что нонѣ слышалъ!.. Болитъ Царь-Батюшко душой до народа своего, мыслить все какъ бы Ему народъ свой лучше устроить,

покой да счастье ему дать. Много дѣлалъ Государь намъ добра, во всеѣ нужды входилъ, все про насъ развѣдывалъ и спозналъ Онъ Батюшко, что всего хуже народу православному отъ кабацкаго зелья проклятаго приходится!.. Пьютъ мужики безъ просыпу; добро свое, потомъ и кровью добытое, пропиваютъ, семьи свои зорятъ, о мірѣ не радѣютъ и, налившись тѣмъ зельемъ, словно звѣри дикіе неистовствуютъ, буянятъ, драки чинятъ, на чужое добро руки накладываютъ, а подъ часъ и душу христіанскую губятъ!..

Правда это, православные!.. Сами вы знаете, какое зло намъ вино приносить, сколько людей имъ загублено, сколько добра мужицкаго въ кабацкѣ утоплено! И задумалъ Царь-Батюшко помочь народу своему отъ лютаго врага — зелья кабацкаго освободить его! Созвалъ онъ къ себѣ на совѣтъ людей умныхъ и приказалъ тѣмъ людямъ обдумать — какъ бы народъ отъ пьянства избавить? И совѣщаются совѣтники царскіе; думаютъ думу народную о врагѣ мірскомъ — кабацкѣ-губителѣ!..

Коли Батюшкѣ-Царю нашему угодно, православные, чтобъ народъ его не губилъ себя пьянствомъ — такъ ужели мы не утѣшимъ Его, пить не бросимъ?

— Онъ, Отецъ нашъ, хочетъ, чтобъ дѣти Его больше радѣли о себѣ, такъ мы ли пойдемъ на перекоръ волѣ Его царской! Сами мы знаемъ, какое

зло дѣлаетъ намъ вино окаянное и не хотѣли понять этого, такъ Государю угодно указать намъ, несмысленнымъ!.. И вотъ я, выбранный вами въ начальство ваше, нонѣ, въ праздникъ Господень, здѣсь у храма нашего — приглашаю васъ, православные, въ угоду Государю Императору нашему бросить зелье кабацкое, щадить гроши свои трудовые, а штобъ не было соблазну ни у кого — закроемъ. ребята, кабакъ нашъ нынѣ же!..

Гуль пошелъ. Стоя стеномъ поднялся въ толпѣ. Загалдѣли православные!..

Степенные мужики сразу встали на сторону старшины, и тамъ, и тутъ раздались ихъ голоса, уговаривающіе принять слова старшины и сдѣлать доброе дѣло — закрыть кабакъ.

— Да правду ли ошю баеъ старшина, што о пьянствѣ нашемъ у Царя совѣтъ идетъ? раздался голосъ.

— Да, да!.. Правда ли, братцы, эфто?.. Може такъ. зря болтають!..

— Нельзя безъ водки мужику быть! Статочное ли эфто дѣло!..

Старшина поспѣвалъ вездѣ. Ловкій былъ парень, недаромъ въ старшины выбрали.

— Коли не вѣрите мнѣ, братцы, за лгуна старшину вашего считаете — вотъ вамъ газета. читайте!.. Эй, кто грамотный?..

По рукамъ пошла ходить газета съ отчетомъ объ одномъ засѣданіи по питейному вопросу.

— Вѣрно, православные, вѣрно, не сумлѣвайтесь! выступивъ на средину, заговорилъ почтенный старикъ, Иванъ Колчинъ.

— Да коли-бъ и не такъ, то пора намъ самимъ одуматься да бросить зелье-то кабацкое!..

— Нельзя, тебѣ говорятъ, русскому человѣку безъ водки!.. Нутро просить яво, виница эфтаго!..

— Знамо нутро просить!

— Врете братцы!.. Вѣдь знаете вы всѣ, что я вотъ, къ примѣру, не пью — живу же, слава Те Господи!.. Да коли и выпить, такъ надо умѣючи, окуротно, а не такъ, какъ вы пьете!

— Закрѣчь кабакъ, закрѣчь!.. Вѣрно твое слово, старшина!.. Эй, гдѣ писарь? Пиши приговоръ!.. Закрѣчь!.. Закрѣчь!..

— Вѣдь кабакъ-то, православные, полтора ста рублевъ въ годъ намъ даетъ! Вѣдь эфто міру-то не пустякъ! заявилъ одинъ изъ мужиковъ.

— Вѣрно!.. Полтора ста рублевъ деньги тоже!.. Нельзя закрѣчь!..

— Полтора ста рублей даетъ, да болѣе тыщи беретъ!

— Какъ такъ?

— А такъ! Мало ли пропиваютъ въ немъ? Въ годъ другой пропьетъ столько, што на всѣ повинности хватить, а не будетъ кабака подъ бокомъ, такъ и

думы объ немъ не столько будетъ! Другой бы и выпилъ, да надо въ Творино, за пять верстъ бѣжать—глядишь пятачекъ-то и въ карманѣ!

— Вѣрно!.. Приговоръ! Приговоръ!.. Міръ не хочетъ кабака!.. Пиши, старшина, приговоръ!..

— Нельзя, православные, безъ кабачка! Сердце по немъ болить!.. раздался чей-то одинокій голосъ.

— Нельзя! Нельзя! крикнули еще два-три голоса.

— Вамъ нельзя, пьяницы!.. Для васъ вотъ міръ-то своему слову измѣнить!..

— Што тутъ толковать — закрыть!

— Закрыть! закрыть!

— Погодите, православные!.. Подумаемъ еще объ дѣлѣ эфтомъ!.. Пошто спѣшить-то!?

— Чаво тутъ думать!.. Слышь ты, самъ Царь про наше пьянство спознать и думу о насъ думаетъ!.. Закрыть кабакъ!..

— Вали въ Правленіе!.. Закрыть!..

Густой толпой повалили мужики въ правленіе, громко разсуждая и споря.

Черезъ полчаса приговоръ былъ написанъ. Въ немъ значилось, что крестьяне Огарковской волости, общество села Огаркова, созная вредъ, который приноситъ крестьянству кабакъ, построенный на общественной землѣ и арендуемый крестьяниномъ Краснобрюховымъ, порѣшили на общественномъ сходѣ сего 21 Ноября 1881 года кабакъ тотъ закрыть

и впредь не открывать. Приговоръ этотъ привести въ исполненіе 1-го Декабря въ день окончанія аренднаго срока. Слѣдовали подписи.

— Ну, поздравляю васъ, православные съ добрымъ дѣломъ! заговорилъ старшина, когда всѣ подписались подъ приговоромъ.

— Каждое дѣло хорошее надо съ молитвой дѣлать, а потому я пригласилъ батюшку — пусть онъ молебень отслужить, потомъ прошу ко мнѣ въ домъ, хлѣба откусать. Я зналъ, православные, что слово мое будетъ принято, и зараньше приказалъ все приготовить...

— Доброе дѣло, старшина!.. Молодецъ, старшина!.. Зовите батюшку!..

— Надо бы, православные, послѣ схода-то ведро выпить! Ей Богу бы надо! визгливо крикнулъ Ванька Чистяковъ, первый пьяница по всему селу.

Гулко раскатился хохотъ сходки надъ этими словами Ваньки, но никто не поддержалъ предложенія.

— Два ведра поставлю для праздника такого, потому стаканъ другой выпить не грѣхъ и не стыдъ, лишь бы въ кабакъ міру не ходить, сказалъ старшина, складывая приговоръ.

И не удалось поторговать Вавилъ Степанычу въ этотъ желанный день. Закрыли кабакъ мужики Огарковскіе.

Е Л К А.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ.

Занесло глубокимъ снѣгомъ деревню Акимовку. Намело сугробы почти подъ самыя крыши избушекъ, и едва-едва мерцаютъ во мракѣ темной ночи освѣщенные окна. Морозъ. Тихо и пустынно на деревенской улицѣ, только гдѣ-то надрывается лаемъ дворовая шавка, почуявъ волка голоднаго. А лонъ, этотъ постоянный посѣтителъ въ зимнія ночи деревень, чутко поводитъ ушами и, зажавъ поджарыми ногами хвостъ, осторожно пробирается задами къ плохо огороженному овчарнику...

На далекой колокольнѣ сосѣдняго села пробило одиннадцать часовъ. Въ крайней избѣ, у самаго въѣзда въ деревню, огонекъ горитъ сильнѣе, чѣмъ въ прочихъ избахъ. Готовится поздній ужинъ давно ожидаемому хозяину, который еще послѣ «полдѣнъ» уѣхалъ въ лѣсъ за елками.—Хозяинъ крайней избы, Кирилъ Ивановъ, всѣ филиповки лежалъ хворый, и ничего не удалось ему заработать къ празднику, а тутъ еще оброкъ подоспѣлъ... У людей говядины

къ празднику накупили; вина, пива многіе наварили, а Кирилъ не зналъ, гдѣ и хлѣба взять. Всталъ онъ съ лавки, на которой больше шести недѣль въ «лихоманкѣ» лежалъ, дня за два до сочельника рождественскаго. Всталъ слабый, хворый еще.

— Полежалъ бы еще, Иванычъ: вишь, какъ недужится тебѣ, родимый! сказала хозяйка, смотря на испитое, блѣдное лицо мужа.

— Што дѣлать!.. Полежалъ бы, да нужно вставать, Варвара: вотъ и праздникъ подошелъ, а у насъ и хлѣба почитай нѣту!..

— Нѣту, Иванычъ, нѣту, родной!..

— То-то и есть... Вотъ оболакусь да въ лѣсокъ купеческій съѣзжу, елочекъ порублю, а ты за утро въ городъ свезешь, авось. продашь хошь на цалковый... Ладно бы было...

— Ой, опасливо Иванычъ!.. Больно досужи лѣсники-то въ купеческомъ лѣсу: гляди — поймають, храни Богъ...

— Опасливо, да ничаво не подѣлаешь!

И самъ бы я не поѣхалъ въ чужой лѣсъ, да дѣлать нечего — нужда гонить!..

— А ну поймають?!

— Топоръ отымуть, шею намнутъ... Поокуратнѣ ужъ я буду, по опушкѣ поищу...

— Ой, страшно, Иванычъ!.. Ономясь Петряевского парня, бають, до полусмерти избили лѣсники-

то купецкіе; оглоблю, слышь ты, срубилъ... Ужъ я нешто сама съѣзжу: ты-то хворый, слабый...

Кирилъ махнулъ рукой.

— Не ври, а ты! Нешто эфто бабье дѣло?.. Я хушь и хворый, а все же мужикъ, снаровка не та, извадка другая... Нѣтъ, ужъ я самъ... Богъ-то милостивъ... Дакось мнѣ полушубокъ... Поѣхалъ бы въ армякѣ, да знобить нешто, хворость-то не прошла ошшо... Чай до ночи проѣзжу, — далеко до лѣсу-то, — ты свари чаво нибудь... Приѣду и похлебаю горяченькаго-то...

— Ладно, наберу чаво нибудь... Надѣлъ бы, Иванычъ, армякъ, а то полушубокъ-то новый, только и есть у насъ добра-то... Оправишься, Богъ дастъ, въ немъ въ извозъ пойдешь, а то гляди изорвешь яво въ лѣсу-то, да и лѣсники бы не отняли...

— Нѣтъ, ничего... Знобить меня дюжо; въ избѣ-то и то иногда зубы стучать, пожалуй вовсе захвораетъ опять... Подъ-ка запрягай лошадь, а я онучи покедова наверху...

И Кирилъ уѣхалъ за елками.

Прошелъ день; упали сумерки; звѣздочки заблестѣли на небѣ... Зажгла Варвара въ избѣ лучину, затопила печь и стала готовить ужинъ хозяину. Услыхали ребятишки съ полатей запахъ горячаго картофелю да луку, послѣзали.

— Погодите, ребята, погодите, болѣзные! начала

уговаривать Варвара голодныхъ дѣтей: вотъ тятка изъ лѣсу прїѣдетъ, ужинать будемъ; картошка есть, хлѣба съ лукомъ накрошу, тюрю сдѣлаю... Погодите, родимые...

Ребятишки примолкли.

Старшій сынишко Кирила, широкоплечій, въ батьку, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, сталъ лучину щепать, аппетитно поглядывая на дымящійся въ печкѣ картофель.

— За елками тятя-то уѣхалъ, мама? спросилъ онъ, ловко щепля лучину.

— За елками, Ванюша, за елками... Надо хушь полтину къ празднику-то добыть...

— Знамо надо: ничего почитай нѣтъ у насъ!.. Въ купецкій лѣсъ уѣхалъ?

— Въ купецкій...

— Поймають — отвозятъ бока тяткѣ!.. Угонитъ рази — сивко-то боекъ у насъ...

— Вотъ, мама, на ту зиму и я въ извозъ пойду — тятя баялъ...

— Пойдешь, Ваня, пойдешь... А нешто долго отца-то нѣтъ!.. Не поймали ли яво, Царица Небесная, Заступница милосливая!

— Да, замѣшкался, мама, и то... Поди, пѣтухи скоро запоютъ...

— Ой, не случилось бы чаво съ нимъ, Ванюша!

— А може и ѣдетъ; дорога-то не дуже хороша,

снѣжно больно... Покорми насъ, мама, докедова? Спать охота... Тятѣ-то подваришь погорячѣй...

— Покормлю и то... Садитесь, робятки, за столъ, садитесь.... Ванюша, кроши хлѣбъ-то, родной.... Покормила Варвара ребятъ; спать ихъ уложила, кого на печи, кого на полатахъ; прикинула дровицъ въ печь, со стола убрала, а хозяина все не было, да не было...

Защемило сердце у бабы...

А «сивко» въ это время шажкомъ плелся по дорогѣ въ деревню, таща за собой дровешки съ зелеными молодыми елками. Плелся «сивко» одинъ, никто не правилъ имъ, никто не понукалъ...

Хозяинъ остался въ лѣсу...

Не видали его зоркіе лѣсники купеческаго лѣса, благополучно нарубилъ онъ елокъ и уложилъ на дровни... Сталъ надѣвать полупубокъ, который снялъ во время рубки.

«Вотъ и пронесъ Богъ!» подумалъ Кирилъ: теперь авось доберусь... Продастъ хозяйка елки въ городу, и будетъ копѣйка къ празднику!...

Подпоясался мужикъ кушакомъ и взялся за возжи...

Въ сторонкѣ, за опушенными инеемъ кустиками, захрустѣлъ снѣгъ, и на опушку вышли два человѣка.

— Лѣсники! съ ужасомъ подумалъ Кирилъ и вперилъ глаза на вышедшихъ.

Не похожи на лѣсниковъ ребята были!...

На одномъ армячишко рваный, веревкой подпоясанный: лапти сношенные; голова, вмѣсто шапки, какой-то тряпичей увязана. Другой въ шинели солдатской; шинель тоже рваная, клочки на ней висятъ. Изъ-подъ солдатской шапки выбиваются космы давно нестриженныхъ, нечесанныхъ волосъ. Лице испитое, осунулось, инда зеленью подернуло его, точно у мертвеца. Дубинки у обоихъ.

— Богъ помощь, мужичекъ! хрипло такъ, глухо проговорилъ тотъ, что въ армякѣ.

— Спасибо, добрые люди...

Добрые люди подошли поближе. По сторонамъ оглянулись.

— Елки рубиль?...

— Да, елочекъ нарубилъ...

— Такъ... Угости-ко ты насъ, мужикъ, хлѣбомъ: голодны мы, пущѣ волка голодны!..

— Нѣту со мной, кормильцы, хлѣба-то, а то бы я далъ... Бѣднота тоже...

Опять оглянулись добрые люди.

— Ну, шубу сымай, мужикъ... Иванъ, поддержи его...

Захолонуло на сердцѣ у Кирилы, но не потерялся онъ: выхватилъ топоръ, отскочилъ назадъ и замахнулся. Глаза засверкали, хворости какъ не было.

— Не подходи!.. Убью!.. Ой, дорога шуба мужику, ребята: не отдасть онъ дешево ее!.. Не подходи!.. Бѣглые вы, воры вы — къ богачамъ идите, у меня нечего взять...

Точно волкъ голодный защелкалъ зубами чело-вѣкъ въ солдатской шинели... На впалыхъ щекахъ краска показалась...

— Отдай добромъ!.. Отдай лучше!.. Съ голоду издыхаемъ... Отдай; прохрипѣлъ онъ, поднимая дубинку...

Не сговоришь съ мужикомъ! промолвилъ другой и со всей силы бросилъ свою дубинку въ ноги Кирилы... Вскрикнулъ мужикъ, пошатнулся и упалъ на колѣни...

Поднялась другая дубинка и опустилась ему на голову...

Быстро сняли бродяги полушубокъ съ убитого, валенки, топоръ изъ теплыхъ еще рукъ вынули и, озираясь, пошли цѣликомъ въ лѣсъ...

Потянулъ вѣтерокъ, иней съ кустовъ стряхнулъ, бородой убитого шевельнулъ, потрогалъ задушенную снѣгомъ челку у сивки. Сивко повелъ ушами, покосился на хозяина и побрелъ изъ лѣсу, волоча брошенными возжами...

Стало смеркаться.

А дома ждали Кирилу.

Давно ужъ и другой разъ протопилась печка и остылъ горячій картофель на шесткѣ, а его все не было... (Лѣниво, видно, шелъ никѣмъ не понукаемый сивко, подбирая по дорогѣ клочки сѣна).

— Ой, недоброе што нибудь стряслось съ хозяиномъ! думала Варвара, и больно щемило ей сердце.

Вотъ заскрипѣлъ подъ окнами снѣгъ, и встрепетнулась баба.

— Пріѣхалъ! промолвила она, выбѣгая на улицу.

У самага двора стоялъ сивко, нетерпѣливо помахивая головой.

— Господи, а самъ гдѣ же?... Иванычъ, а Иванычъ!.. Нѣту яво, Господи!..

Бросилась Варвара на дворъ за избу, въ проулокъ заглянула — нигдѣ не было ея мужа!..

Услыхали сосѣди бабій крикъ и плачъ—вышли.

— Взяли яво лѣсники и въ контору представили...

— Не ври! А лошадь-то пошто отпустили?

— Ухлопали, поди, аспиды мужика сердечнаго!

— Вотъ еще бѣда-то надъ Варварой сердешной стряслась!..

Говорили кругомъ, охали, догадывались...

— А ты не убивайся очинно-то, тетка Варвара, подошелъ къ бабѣ староста. — Богъ дастъ вернется Иванычъ твой... Може и впрямь въ контору его

взяли, а лошадь сама ушла... А то въ кабакъ ли на большой дорогѣ погрѣться зашелъ да лошадь не привязалъ... Не убивайся, тетка!.. Пошли старшенькаго-то своо въ городъ съ елками: пусть продасть тамоди, а утромъ мы, коли не придетъ Кирюха твой,—поищемъ яво... Не убивайся, полно!..

И поѣхалъ Ванюшка утромъ въ городъ съ елками и пораспродаль ихъ.

Цѣна 1 руб.